

Филип Жисе

Перевоплощение

Филип Жисе

Перевоплощение

«Accent Graphics communications»

2012

Жисе Ф.

Перевоплощение / Ф. Жисе — «Accent Graphics communications»,
2012

Сознание Дэниела, любившего дать пинка под зад домашнему коту или соседской кошке, волею судьбы оказывается в теле домашнего кота. Вот таков он закон кармы: что посеешь, то и пожнешь. Теперь, что ждет Дэниела в будущем? Смерть в приюте для животных или в когтях у ястреба? Одиночество в Грампианских горах его родной Шотландии или любовь к чудесной девушке по имени Джессика?...

© Жисе Ф., 2012

© Accent Graphics
communications, 2012

Содержание

Глава 1. Дэниел	5
Глава 2. Девушка из Глазго	13
Глава 3. Судьба Тайги	19
Глава 4. Из тела в тело	24
Глава 5. В теле животного	30
Глава 6. Мистер Браун	36
Глава 7. Побег	42
Глава 8. Догхантеры	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Филип Жисе

Перевоплощение

Глава 1. Дэниел

Дэниел вышел из здания универа и зажмурился: яркие весенние лучи солнца резанули по глазам, заставив юношу испытать боль. Дэниел закрыл глаза, зачем-то еще накрыл их рукой сверху, после чего буркнул «долбаное солнце» и опустил голову.

Открыв один глаз, второй, юноша окинул взглядом окрестности и спустился по лестнице к небольшой аллее, вившейся между зелеными островками лужаек. Вокруг было шумно, гул голосов старым локомотивом носился в воздухе, поднимался выше и растворялся где-то высоко в небе. Занятия закончились, и теперь студенты могли себе позволить погреться на солнце, лежа на травке или развалившись на лавочках и предаваясь ничегонеделанию, если, конечно, разговоры, перемежающиеся смехом, можно было назвать ничегонеделанием.

Если среди студентов и был человек, которого не радовала перспектива заниматься пустым трепом, то это был Дэниел. Юноша презрительно посмотрел на студентов, заполнивших лужайки перед кампусом, и пробормотал:

– Тупые придурки.

Эван Макмилан мог гордиться сыном. Он был точной его копией. Это, и вправду, было яблочко, не далеко откатившееся от яблони. Как и его отец Дэниел Макмилан был нелюдям, замкнут и высокомерен. Вся его жизнь, а это неполных двадцать два года, прошла на Ковейн-стрит, недалеко от холма Говен, в небольшом городке Стерлинг, обосновавшемся в самом центре Шотландии. Если бы не нужно было учиться, Дэниел вообще мог бы не показаться на улицах города. Хотел Дэниел или нет, но учиться ему приходилось, так как этого хотел старший Макмилан. А если Эван Макмилан чего-то хотел, то, как правило, достигал. Несмотря на ужасный характер, отец Дэниела был хорошим юристом, и именно благодаря профессионализму его терпели в «Intelligent Lawyer Company», небольшой юридической компании, одной из немногих в городке.

Эван Макмилан был рьяным работником и таким же хотел видеть сына, поэтому тому ничего не оставалось, как грызть гранит науки, если не хотел чтобы отец спустил с него шкуру. А Эван Макмилан мог это сделать и при случае позволял себе напомнить другим кто в доме хозяин, и кого стоит бояться. И Дэниел боялся, иначе не получалось. Вот и приходилось ему вместо вечерних посиделок с друзьями сидеть дома и углубляться в непроходимые дебри юриспруденции. Да, выбор будущей профессии Дэниела также был осуществлен Эван Макмиланом, ведь никто кроме него не знал, что лучше для сына. По крайней мере, он был в этом убежден. Возможно, именно из-за этого Дэниел не очень уж и любил свою будущую профессию, тем не менее, выбирать не приходилось. Выбор был сделан давно, не им и не в его пользу.

А вот что касается вечерних посиделок с друзьями, то их отсутствие Дэниела несколько не расстраивало, так как ему просто-напросто не было с кем сидеть. У Дэниела не было друзей, но и по этому поводу он не печалился. Зачем ему были друзья, когда у него был он сам? Юноша вполне нормально себя чувствовал в гордом одиночестве в четырех стенах собственной комнаты в доме по улице Ковейн-стрит. Поэтому, глядя на студентов, в который раз обсуждающих физические достоинства или недостатки той или иной девчонки, а также возможность затащить ее в кровать, или студенток, судя по обрывкам разговоров, весело щебечущих о моде, желанных туфельках или парнях с картинок в модных журналах, – не было ничего удивительного в том, что младший Макмилан испытывал отвращение и презрение к ним. Вместо того чтобы заняться чем-то стоящим эти, как часто говорил Дэниел, тупые придурки, проводят

время за пустыми разговорами о девчонках, парнях, сексе, еде и снова о девчонках, парнях, сексе, еде...

...Дэниел бросил взгляд на башню, возвышавшуюся на холме Эбби-Крэйг в нескольких сотнях метрах от кампуса. Высокая, четырехгранная, похожая на американский шатл, готовый вонзить острый нос в отливающее синевой небо.

– Монумент Уоллеса, – Дэниел скривился, будто получил пощечину. – Уоллес рубил головы чертовым англичанам, а теперь потомки этих самых англичан живут в Стерлинге как ни в чем не бывало, – Дэниел посмотрел по сторонам в поисках подтверждения своих слов. Заметив парочку студентов-англичан, он процедил сквозь зубы. – Смеют даже учиться здесь, в самом сердце Шотландии. Знай об этом Уоллес, его останки перевернулись бы в могиле. Те, кого он ненавидел больше всех, сегодня здесь полные хозяева.

Взгляд Дэниела вновь устремился к Монументу Уоллеса.

– Долбанный аттракцион для английских туристов, – Дэниел посмотрел по сторонам, плюнул на газон, раскинувшийся у его ног, развернулся и зашагал к автобусной остановке. Не успел он пройти и десяти метров, как услышал:

– Эй, Джок, как дела?

Дэниел крепче ухватился за ремень рюкзака и повернул голову на голос. Да, это был Патрик. Кто же еще, как не этот чертов пэдди? А возле него... Дэниел почувствовал, как неловкость и досада темной рекой растекаются по телу. Красотка Кэйла. Вот после того, как она отвергла его, к тому же на глазах у других, Дэниел и возненавидел ирландцев. Кэйла была ирландкой, высокой и стройной блондинкой с шикарными длинными волосами, грудью третьего размера и улыбкой, призванной влюблять в себя даже богов.

Дэниел навесил на лицо маску безразличия.

– А тебе какое дело, Пэдди? – сказал он, смерив высокого, широкоплечего Патрика неприязненным взглядом. Не будь рядом с ирландцем Кэйлы, Дэниел попытался бы как можно быстрее убраться с глаз Патрика, который славился довольно-таки воинственным характером и был неплохим драчуном. Все знали, что он увлекается боксом и старается при первой же возможности это показать. Таких как Патрик надо обходить десятой дорогой. Дэниел понимал это, понимал и в то же время не хотел выглядеть размазней в глазах Кэйлы.

– Если спрашиваю, значит, есть дело, – русоволосый Патрик скрестил на груди руки. Насмешливая улыбка появилась на его волевом, с небольшой россыпью веснушек, лице.

– Отлично, Пэдди, – сказал Дэниел, не желая накалять обстановку. – Мой ответ тебя удовлетворил?

– Я ответами не удовлетворяюсь, Джок. Только вот этим, – Патрик обнял Кэйлу за талию и притянул к себе. Губы быстро нашли губы девушки, а руки накрыли ее аппетитные ягодицы. Кэйла в ответ плотнее прижалась к Патрику и обвила руками его шею.

Дэниел отвел глаза в сторону, пробежался по верхушкам деревьев, росших здесь в изобилии, после чего бросил взгляд на целующуюся парочку и двинулся дальше.

– Эй, трусливый Джок, куда же ты? – понеслось Дэниелу в спину. – Я еще не все сказал. Стой! Кому сказал!

Дэниел продолжал двигаться, останавливаясь он не собирался. Иметь дело с тупым Пэдди было выше его достоинства. Не сбавляя шагу, он добрался до автобусной остановки. Вслед ему неслись смех. Причем смеялись не только Патрик и Кэйла, но и другие студенты, бывшие поблизости.

– Тупые придурки, – процедил Дэниел. – Как они мне все надоели.

Дэниел окинул взглядом студентов, ждущих, как и он, автобус на Стерлинг. Взгляды многих были обращены в его сторону, на их лицах юноша заметил улыбки. Дэниел почувствовал, как желваки заходили под скулами, а ладони сжимаются в кулаки. Как эти идиоты смеют над ним потешаться?

– Чего уставились?! – воскликнул Дэниел. – Смешно, да?

Улыбки и хихиканье были ему ответом. Краем глаз Дэниел заметил Патрика и Кэйлу, в обнимку идущих к остановке.

«Их здесь еще не хватало. Черт бы их побрал!», – подумал Дэниел, после чего произнес вслух: – Идите вы все к черту.

Дэниел перекинул рюкзак на другое плечо, развернулся и двинулся прочь с остановки. Не страшно, он и пешком может добраться до Стерлинга. Не впервой. За сорок минут управится. Идти-то мили три, не больше.

Дэниел обогнул озеро Эйртри и вышел к главному входу в универ. Перед ним протянулась Эйртри Роуд. Дэниел посмотрел по сторонам и двинулся по дороге в сторону Стерлинга.

Если бы Дэниел любил природу, то он бы обязательно отметил ту красоту, что раскинулась перед его глазами. Удивительная холмистая местность, которой так славится Шотландия, перемежалась зелеными полями. Именно здесь, на стыке Шотландского нагорья и Среднешотландской низменности, приютился Стерлинг – храброе сердце Шотландии. Но Дэниел не был любителем или ценителем природы, поэтому его нисколько не волновал тот изумительный вид, что расцветал в лучах полуденного солнца перед его глазами.

Спустя минут сорок Дэниел был уже на Старом мосту и смотрел на вяло текущие воды реки Форт. На небольшом расстоянии от старого моста находились еще два моста, один железнодорожный, другой автомобильный.

Дэниел понаблюдав за потоком машин на соседнем мосту, затем посмотрел направо. Вдалеке среди буйной зелени Замкового Холма выделялся своей белизной Стерлингский замок. Дэниел перевел взгляд в противоположную от замка сторону, где возносился в небо Монумент Уоллеса, и вздохнул. Когда-то именно здесь, у Форта, Уоллес разбил англичан, разбил да не добил.

Дэниел отвернулся от монумента и пробежался взглядом по двух-трехэтажным домикам с изломанными серыми крышами, усеявшими местность, будто грибы поляну. Небольшие, аккуратные и по-своему изящные. Таких было большинство в Стерлинге. Не выгляди они так современно, могли бы показаться творениями иной эпохи.

Стерлинг был удивительным городом. В нем чудесным образом сочетались средневековое очарование и суэта современного мегаполиса. Но Дэниелу родной город не нравился. Он считал его слишком шумным и многолюдным. Скорее всего, из-за того, что значительную часть его населения составляла молодежь, по большому счету студенты Стерлингского Университета. К тому же, как считал Дэниел, здесь было слишком много туристов, особенно английских. Даже сейчас, стоя на Старом мосту, Дэниел видел парочку туристов – парня и девушку с рюкзаками. То, что это были туристы, юноша не сомневался. Об этом свидетельствовали фотоаппараты на шеях, не закрывающиеся ни на минуту рты и пришибленные, по мнению Дэниела, взгляды. Нет, в этом вопросе Дэниел был спецом. Отличить приезжего от местного для него было раз плюнуть.

Дэниел смерил туристов взглядом, полным скепсиса, развернулся и оставил Старый мост позади. Пора было идти домой. Пока родителей нет дома, там вполне можно было неплохо себя чувствовать. Минут десять спустя Дэниел уже был на Ковейн-стрит. Завидев дом, в котором жил, он прибавил шагу. Войдя в дом, юноша поднялся на второй этаж, достал из кармана ключи и минуту спустя был уже в квартире.

– Здорово, – сказал Дэниел, бросая рюкзак на пол в прихожей. – Никто меня не видит, и я никого не вижу. Хорошо, что завтра выходные.

Дэниел разулся и вошел в гостиную. На диване он заметил спящего Тайги. Тайги был котом, самым настоящим скоттиш-фолдом редкого тигрового окраса. Тайги было год, а может, два. Настоящий возраст кота, как и его настоящее имя, не знал никто из Макмиланов, так как в этой семье Тайги провел только последние полгода своей жизни. Что касается предыдущей

жизни маленького скоттиш-фолда, то она была сокрыта пеленой неизвестности. Такова судьба многих животных-найденышей.

Дэниел не любил Тайги. Он считал его самым бестолковым и бессмысленным существом на планете. Даже сейчас, глядя на спящего кота, лежащего на спине и мирно посапывающего, Дэниел испытывал к нему отвращение. Он напоминал ему тех тупых придурков, с которыми он учился. По мнению Дэниела, Тайги, так же как и они, был ни на что не пригоден, разве что служить мягкой, удобной подставкой для ног, если, конечно, никуда не успевал удрать, дабы не быть эксплуатируемым. По правде говоря, Дэниел считал любое животное примитивным, а кошек особенно. Чем больше он наблюдал за Тайги, тем больше в этом убеждался. Вся жизнь кота состояла из сна, еды и походов в туалет, а еще прятаний от хозяев под диваном или в темных уголках квартиры. И не последнюю роль в таком поведении кота, а может, даже и первую, сыграл Дэниел. Неприязнь к коту со стороны юноши выражалась не только и не столько в пренебрежительных взглядах или словах, сколько в шлепках и пинках, которыми Дэниел часто награждал бедное животное. Поэтому не стоило удивляться тому, что Тайги был пугливым животным, избегающим любого общения с Дэниелом, а часто и его отцом, любящего видеть животных желательно в жареном или запеченном виде в своей тарелке.

Единственным человеком, проявлявшим заботу и доброту к Тайги, была мать Дэниела – Мэри Макмилан, добрая, отзывчивая, но грустная женщина. Мэри была единственной в семье, кто любил не только животных, но и людей. О ее доброте и дружелюбии знали многие, и многие отвечали ей взаимностью. В отличие от мужа и сына, Мэри была истинной шотландкой – дружелюбной, открытой и безумно любящей Шотландию...

Дэниел подкрался на цыпочках к Тайги и дал щелбаном по уху. Тайги открыл глаза и, едва заметив Дэниела, поджал хвост, зашипел и бросился под диван.

– Тупое животное, – осклабился Дэниел, провожая взглядом кота. – Дать бы тебе пинка под зад, может, поумнел бы.

Дэниел вышел из гостиной и направился на кухню.

«Бросить бы что-то в рот», – подумал Дэниел, чувствуя сосущие позывы в желудке. Последний раз он ел еще утром, когда собирался в универ. Скерли с поджаренным беконом и тостов с яблочным джемом ему хватило ненадолго.

Оказавшись на кухне, Дэниел достал из холодильника три яйца, поставил сковородку на газ и разогрел ее, положив сливочное масло. Когда сковородка накалилась, Дэниел расколол в нее яйца, а к яйцам добавил бекон. Пока жарилась яичница, Дэниел успел заварить черный чай, достать из холодильника баночку вишневого джема и бросить в тостер несколько кусков ржаного хлеба.

Быстро поев, Дэниел вернулся в прихожую, подхватил рюкзак и переместился в свою комнату. Едва он вошел в комнату, в нос ударил запах мочи. Дэниел скривился, нахмурился, глаза принялись рыскать по комнате в поисках подарка от Тайги. Дэниел не сомневался, что это проделки кота. Как и все кошки Тайги оказался злопамятным животным, за жестокость со стороны Дэниела он мстил ему лужами мочи в его комнате.

– Долбанный кот, – процедил Дэниел. – Только обнаружу лужу, убью. Дэниел пробежался взглядом по паркетному полу. Нет, на полу луж заметно не было. Может, под кроватью? Дэниел бросил рюкзак на стул, прислонившийся к одежному шкафу, и опустился на колени возле кровати. Заглянув под кровать, юноша повел носом, принюхиваясь к запахам, несшимся из-под кровати. Дэниел провел рукой по полу и закашлялся, когда частички пыли попали ему в нос.

Дэниел разогнулся и пробормотал:

– Под кроватью не видно. Куда же он насрал? Под стол? Больше некуда. Дэниел окинул взглядом комнату, словно убеждаясь в истинности предположений. У окна стоял письменный стол, рядом притулилась тумбочка с настольной лампой. По бокам стола стояли два стула. Напротив находился шкаф, недалеко от которого подпирала стену кровать.

Дэниел на всякий случай провел рукой по застланной тонким одеялом кровати. На счет кровати можно было быть спокойным. Одеяло было сухим. Дэниел ухмыльнулся, вспомнив, как он отдубасил Тайги несколько недель назад, после того как тот осмелился сделать туалет из кровати Дэниела. После того раза Дэниел думал, что Тайги надолго запомнил, как нехорошо мочиться в комнате Дэниела, но, как оказалось, недостаточно хорошо.

– Тупой кот, – Дэниел поскреб внезапно зачесавшийся нос. – Сегодня я тебе точно покажу, как Уоллес громил англичан в битве при Старом мосту. Сегодняшний день ты надолго запомнишь. Дай только доберусь до тебя.

Дэниел полез под стол, но и там кроме пыли и пары старых носков ничего не было.

«Может, померещилось?» – подумал Дэниел, выбираясь из-под стола. Но нет, он явно ощущал в воздухе запах кошачей мочи. Дэниел был уверен, что лужа где-то рядом, так как едва он приблизился к столу, запах усилился. Дэниел почувствовал, как тошнота подкатила к горлу.

– Мерзкий кот. Только поел же, – Дэниел потянулся к балконной двери и распахнул ее настеж. Теплый воздух ворвался в комнату, вытесняя понемногу запах мочи.

– Так-то лучше, – пробормотал Дэниел, чувствуя паническое бегство тошноты. – Где ж ты сделал лужу? Все равно же найду.

Взгляд Дэниела случайно упал на стол. На мгновение юноша замер, пораженный тем, что увидел. Ладони его сами собой сжались в кулаки, на скулах заиграли желваки.

– Ты труп! – прошипел Дэниел.

На краю стола, прямо перед компьютерной клавиатурой, лежала открытая тетрадь с лекциями по финансовому регулированию. Листы тетради были все еще мокрые, так же как и та часть стола, где лежала тетрадь. Тонкая струйка мочи протянулась к краю стола. Дэниел с отвращением заметил пятно на сидущке стула, того самого, который он считал своим любимым, с жесткой спинкой и подлокотниками, на которые так удобно было класть ноги.

Едва заметив кошачью мочу на столе, Дэниел пробкой из-под шампанского вылетел из комнаты и устремился в гостиную. Подскочив к дивану в гостиной, он растянулся на полу и запустил руку под диван. Тайги там не оказалось. Дэниел чертыхнулся, поднялся на ноги и принялся рыскать по комнате в поисках кота. Долго искать не пришлось. Тайги сидел за креслом, прижав уши к голове и округлив глаза от страха. Дэниел подбежал к коту и замахнулся ногой. Тайги не стал дожидаться, пока его угостят пинком, подскочил на месте и понесся на кухню. Пробегать ему пришлось рядом с Дэниелом, тот, наученный предыдущими стычками с котом, ловко развернулся на одной ноге, а вторую отправил вдогонку за котом. Тайги оторвался от пола, когда нога Дэниела врезалась ему под зад, пролетел метра два по воздуху и врезался в стену. Упав на пол, кот мяукнул и драпанул на кухню. Большие голубые глаза животного готовы были выскочить от ужаса из орбит. Дрожь сотрясала его тело, выражение обреченности застыло на морде.

Дэниел стиснул зубы, нахмурился и последовал за котом на кухню. Так просто тот от него не отделается.

На кухне Тайги прятаться было негде. Дэниел это сразу понял, едва оказался на кухне. Тайги сидел под столом и жался телом к стене. Глаза его были распахнуты так сильно, что, казалось, еще чуть, и они выпадут из глазниц и покатаются по полу. И без того опущенные уши казались сросшимися с головой, хвост прижался к телу и слился с ним.

Заметив юношу, Тайги открыл рот, обнажая острые зубы, тихое угрожающее шипение прокатилось по кухне, проникло через открытую форточку на улицу и растворилось среди уличных звуков.

– Ты мне еще угрожаешь? – Дэниел сузил глаза и вперил ненавидящий взгляд в кота. – Это ты зря.

Дэниел на миг остановился перед столом, обдумывая, как подступить к коту, чтобы не быть исцарапанным. В отличие от Дэниела у Тайги были когти, которыми он прекрасно умел

пользоваться. Дэниел успел уже не единожды ощутить на себе их остроту. В основном доставалось рукам, но иногда перепадало и ногам. Но, в отличие от Тайги, у Дэниела в голове был не примитивный мозг, а эффективное супероружие, высокоорганизованный разум, который знал, как избежать встречи с кошачьими когтями.

Дэниел посмотрел по сторонам и заметил веник, прислонившийся к мусорному ведру, стоявшему возле раковины. Схватив веник, Дэниел сжал его крепче и подошел к столу. Тайги переводил испуганный взгляд с Дэниела на веник, с веника на Дэниела. Голова вжалась в тело. Шерсть взметнулась вверх, встопорщилась, и снова шипение наполнило кухню.

– Сейчас я тебе покажу, как мне угрожать, – пробормотал Дэниел, затем сунул веник под стол и устремил его к кошачьей голове. Тайги приподнялся, поднял лапу и ударил по венику.

– Не нравится? – осклабился Дэниел. – А как тебе понравится вот это? Дэниел выбросил руку вперед, и веник протаранил кошачью морду. Тайги фыркнул, ударил лапой по венику и бросился из-под стола назад в гостиную. Но едва кот оказался вне защиты стола, Дэниел поднял веник и запустил его в убегающего Тайги. Веник ударил того по спине, на миг заставив кота проехать мордой по полу, и отлетел в сторону. Тайги же вскочил на ноги и убежал назад в гостиную.

Дэниел, не спеша, направился за котом, не забыв захватить веник. Войдя в гостиную, юноша быстро обежал взглядом комнату в поисках кота. Того нигде не было видно, но Дэниела это не обескуражило. Кот же тупой, где ему быть как не за креслом.

Тайги действительно сидел за креслом и выглядывал Дэниела. Но юноша не спешил приближаться к креслу. Вместо этого он улыбнулся, крепче перехватил веник и бросил его за кресло, сам же остался на месте дожидаться, когда покажется Тайги. Ожидания Дэниела не подвели. Мгновение спустя послышался стук от падения веника, вслед за ним раздалось шипение, и из-за кресла вылетел Тайги. Дэниел только этого и ждал. Схватив пробегающего мимо кота, он придавил коленом его тело к полу, размахнулся и ударил ладонью по спине. Тайги зашипел. Шипение быстро сменилось тихим мяуканьем, по мере нанесения ударов переросшего в вопль.

– Закрой пасть, – прошипел Дэниел и ударил ладонью кота по морде. Но вместо того чтобы замолчать, кот завопил еще громче. Это вконец разозлило Дэниела. Он сдернул с дивана подушку и накрыл ею голову животного. Бедный Тайги вопил, то и дело предпринимая попытки вырваться из хватки Дэниела. Когти скребли пол, хвост метался из стороны в сторону, дрожь пробегала по кошачьему телу, но Дэниел был глух. Рука раз за разом взлетала в воздух и опускалась, рождая новые вопли в кошачьей глотке. В конце концов, Дэниел схватил кота за шкурки и поволок в свою комнату.

– Я тебе покажу, как спать мне на стол, – пробормотал Дэниел, хватая Тайги двумя руками за шкуру и тыкая мордой в стол. – Ну как? Нравится?

Не удовлетворившись этим, Дэниел принялся елозить котом по столу будто тряпкой. Красивая, ржаво-красного окраса, испещренная множеством черных полос шерсть Тайги вмиг поблекла, свалялась и провоняла кошачьей мочей. Удовлетворившись сделанной экзекуцией, Дэниел отбросил животное в сторону. Тайги упал на пол, поднялся на лапы, осуждающе посмотрел на Дэниела и заковылял прочь из комнаты.

– В следующий раз будешь знать, как спать на мой стол, – ухмыльнулся Дэниел, провожая кота довольным взглядом.

Внезапно зазвонил дверной звонок.

«Это кто еще такой?» – подумал Дэниел, направляясь в прихожую. Дэниел открыл дверь и увидел на пороге вдову Дженкинс.

«Ее только здесь не хватало», – пронеслось у Дэниела в голове.

Вдова Дженкинс, старая женщина с худым белым лицом и подобным ему телом, жила по соседству с Макмиланами. Ее считали странной, а Дэниел – сумасшедшей. Разве может быть

здоровым человек, у которого в квартире живет около тридцати кошек? Или вот нормален ли человек, который день изо дня носит одежду черного цвета? Ни дать ни взять сумасшедший. Дэниел был в этом убежден так же сильно, как и в том, что Земля круглая. Таких людей Дэниел избегал и даже боялся. Да и как их не бояться, мало ли какие безумные мысли зреют у них в голове.

– Дэниел? – словно впервые увидев, спросила вдова Дженкинс. Взгляд ее темных, пронзительных, слегка прищуренных глаз устремился к глазам Дэниела, как гончие к лисице, заставив того на мгновение испытать чувство неловкости, граничащее со страхом.

– Вы что-то хотели, миссис Дженкинс? Родителей нет дома, если вы к ним.

– Нет, я не к ним, Дэниел, – сказала вдова Дженкинс, устремляя взгляд в квартиру. – Никак голос Кьюткиа я слышала?

Кьюткиом вдова Дженкинс называла Тайги. В отличие от Дэниела она считала его очень милым и красивым котиком.

– Вам показалось, миссис Дженкинс. Тайги как обычно спит и видит десятый сон.

– А чья же это мордочка выглядывает из-за угла? – взгляд вдовы Дженкинс снова устремился в квартиру.

Дэниел проследил за взглядом старухи и увидел Тайги. Тот выглядывал из-за угла в надежде: не Мэри ли Макмилан пришла?

– Проснулся, – Дэниел пожал плечами и посмотрел на вдову Дженкинс. «Не пора ли уже и вам отправиться спать, миссис Дженкинс?» – подумал он. Взгляд Дэниела опустился ниже. – «Их еще не хватало».

У ног вдовы Дженкинс вертелось с десятков кошек – рыжих, черных, белых, каких тут только не было. Красивые, ухоженные. Именно такие кошки и занимают призовые места на кошачьих конкурсах. Но Дэниела кошки не тронули. Он скривился, словно проглотил пластин, скривился еще больше, когда заметил еще десятка два кошачьих морд, выглядывающих из квартиры напротив. Дэниел поднял глаза и посмотрел на старуху. Та качала головой и смотрела на Тайги.

– Что с Кьюткиом? Что с его чудесной шерстью? Почему ему больно? – на Дэниела, будто снег на голову, посыпался град вопросов.

Юноша повернул голову и бросил глазами сердитую молнию на кота, вдруг решившего подать голос. Тихое мяуканье разнеслось по квартире.

«И какого черта ты сюда вышел? – подумал Дэниел. – Мало получил что-ли? Исчезни!»

– А что с ним? – как ни в чем не бывало спросил Дэниел. – Кот как кот.

– Ай-яй-яй, – сказала вдова Дженкинс. – Его взгляд мне о многом рассказал. Опять ты над ним издевался?

– Еще чего, – фыркнул Дэниел. – Больно надо. Делать мне больше нечего, как котом заниматься.

– Дэниел, Дэниел, – покачала головой старуха. – Неужели ты забыл, с кем разговариваешь? За многие годы жизни с кошками я научилась хорошо их чувствовать, научилась видеть боль или радость в их глазах. Что ж ты никак не угомонишься? Или сердца в груди нет?

– Миссис Дженкинс, вы что-то хотели? А то мне некогда с вами разговаривать. Мне в универе назадавали много, надо за выходные успеть все сделать.

– Не бери грех на душу, Дэниел, – сказала вдова Дженкинс. – Ты еще слишком молод для этого. У животных, как и людей, есть чувства. Они могут страдать, когда испытывают боль, могут радоваться, когда их сердца наполнены счастьем.

– Я не знаю, о чем вы говорите, миссис Дженкинс. Извините, но мне действительно надо заниматься. До свидания, – не дожидаясь ответа старуха, Дэниел закрыл входную дверь и прислушался.

– Дэниел, Дэниел, – услышал он через закрытую дверь удаляющийся голос вдовы Дженкинс. – Страдать других заставляя, себя радости лишая, чужую боль ощущая, иную жизнь проживая.

Голос старухи затих. Послышался звук закрываемой двери, и наступила тишина.

– Сумасшедшая старуха, – пробормотал Дэниел, направляясь в свою комнату.

Глава 2. Девушка из Глазго

Несколько часов спустя Дэниел лежал на кровати в своей комнате и листал учебник по финансовому праву. Из кухни неслись разговоры и звон посуды. Отец с матерью уже вернулись с работы и ужинали. Дэниел первое время прислушивался к разговору родителей, но, не услышав ничего интересного, быстро бросил это занятие, отложил в сторону учебник, достал из кармана спортивных штанов мобильник, разблокировал его и защелкал кнопками.

Хоть Дэниел и хотел казаться лучше своих сверстников, но и ему не были чужды всякого рода удовольствия, например, любовь к мобильным и компьютерным играм. Развлечься, отвлечься на пару часиков от учебы с помощью какой-нибудь новомодной бродилки для Дэниела было как желудь свинье – и забава, и еда. Только вот, по мнению Эвана Макмилана, игрушки, неважно на телефоне или на компьютере, отупляют играющего, да и вообще являются пустой тратой времени. Отец часто говорил Дэниелу, что время надо ценить, если он хочет когда-нибудь стать хорошим профессионалом своего дела. Дэниел слушал отца и даже кивал головой для пушей убедительности, но когда оставался один дома забывал о словах отца, включал компьютер, доставал из тайников диски с играми и погружался в мир вымысла и фантазии. Когда же отец был дома, Дэниелу ничего не оставалось, как довольствоваться игрушками на мобильнике. Провести время за игрой для него, как и для любого юноши его возраста, было намного интереснее, чем забивать голову всякой скучной чушью из учебников. Как говорил Дэниел, не все же время проводить за книгами, иногда и расслабиться полезно. Правда, по поводу расслабления Дэниел старался ничего не говорить отцу, так как прекрасно знал о его крутом характере. Лишние проблемы юноше были не нужны.

В этот раз поиграть Дэниелу не удалось, в коридоре слышались шаги, кто-то явно намеревался посетить его комнату. Судя по тяжелой, слегка шаркающей походке, это мог быть только отец.

Дэниел спрятал мобильник под подушку.

«Черт», – пронеслось в голове юноши, когда отец схватился за дверную ручку, дернул ее вниз, но дверь не открылась. Да и как она могла открыться, если Дэниел закрыл дверь изнутри на защелку. Закрыл, да забыл открыть. Из-за двери слышались проклятия. Ручка снова ушла вниз, но дверь по-прежнему оставалась запертой.

– Дэниел! – слышалось из-за двери. – Открой эту чертову дверь, если не хочешь, чтобы я ее вышиб!

Дэниел соскочил с кровати и подбежал к двери. В словах отца лучше было не сомневаться. Дэниел отодвинул защелку в сторону и открыл дверь. На пороге стоял отец и сердито поглядывал на сына. Эван был широкоплечим темноволосым мужчиной среднего роста с высокими скулами и широким морщинистым лбом. Его глаза щурились, словно от яркого света, а нос раздувался как у быка, завидевшего красную тряпку перед глазами.

Дэниел мало походил на отца. Разве что тонкими губами и прямым носом. Во всем остальном, особенно по слегка утонченному и даже в некоторой степени изящному строению тела, он был едва ли не копией своей матери, Мэри Макмилан.

– Сколько тебе еще говорить, чтобы ты не закрывал эту долбаную дверь? Доиграешься, что в один прекрасный день увидишь ее на полу комнаты.

– Забыл, – Дэниел потупил взгляд и вернулся на кровать.

– Забыл. Нечего забывать. Кто забывает, тот ничего в жизни не достигает. Давай, слезь с кровати и сходи в магазин. Проветришься. Купи хлеба на утро, с дюжину яиц, муки и корма коту не забудь. Деньги у матери возьмешь. Понял?

– Понял, – отозвался Дэниел, вставая с кровати.

– И смотри, ничего не забудь.

– Не забуду, – Дэниел вытащил из-под подушки мобильник и сунул в карман спортивок, после чего двинулся к выходу из комнаты.

– Кстати, ты помнишь о наших планах на выходные? – отец Дэниела все еще стоял в дверях и окидывал сына критическим взглядом.

Дэниел на мгновение замер, вспоминая, о чем говорит отец. Ах, да, поездка с родителями к тетке Молли в Эдинбург на день рождения ее сына Брайена. Дэниел мысленно скривился от осознания того, что ему придется провести выходные в компании пришибленных родственников. Приставучая, как голодная муха, тетка Молли, откормленные, словно на убой кузины-близняшки Салли и Джес, кузен-ботан Томас, и еще куча тех, кого Дэниел нисколько не хотел видеть.

«Ох, грянул бы конец света на выходные», – подумал Дэниел. На лице юноши появилось унылое выражение. Предстоящие выходные обещали быть нудными.

– Помню, – ответил Дэниел, прошмыгнув мимо отца в коридор и направившись на кухню.

– Ну, хоть что-то помнишь, – понеслось ему в спину. – А я-то думал, что ты совсем потерянный.

– Кто бы говорил, – буркнул под нос Дэниел, входя в кухню.

– Ты кушал? – спросила Мэри Макмилан, когда увидела сына. Красивое, слегка веснушчатое круглое лицо женщины с тонкими полосками бровей-дуг, маленьким носом с горбинкой и зелеными островками глаз, казалось слегка приунывшим.

«Снова неполадили», – отметил про себя Дэниел, вслух бросив короткое «да».

– Отец сказал в магазин сходить, – сказал Дэниел.

– Возьми список необходимого, – Мэри протянула сыну исписанный лист бумаги. – И деньги возьми. На тумбочке в прихожей лежат. Их тебе должно хватить.

– Это все?

– Нет, я попрошу тебя зайти к вдове Дженкинс и спросить у нее, согласится ли она принять к себе Тайги.

– К вдове Дженкинс? – Дэниела передернуло. – А это обязательно?

– После того, что Тайги натворил на столе в твоей комнате, отец решил избавиться от него. Не выкидывать же его на улицу. У вдовы Дженкинс много кошек и котов. Надеюсь, она не будет против Тайги.

– Давно надо было от него избавиться. Тупое и ни на что не годное животное. Я вообще удивляюсь, как отец его еще раньше не выкинул на улицу.

– Не говори о Тайги так грубо. Он всего лишь животное. Какое ни есть, но таким его сотворил бог и не нам судить, каким ему быть, – легкое порицание проскользнуло в голосе Мэри. Часто она не понимала своего сына, впрочем, как и мужа. Как и сейчас. Зачем выгонять Тайги? Это было единственное существо в квартире, которое, она чувствовала это, любило ее искренне и беззаветно.

– Как хочу, так и говорю, – буркнул Дэниел. – Тайги – животное, и как все животные он примитивен и жалок. Только зря тратим на него деньги. Не понимаю, зачем держать в доме существо ни на что более не способное, кроме как жрать, спать и гадить. Было бы неплохо его еще кастрировать, чтобы в будущем не мешал людям спать по ночам. Из-за концертов ему подобных спать невозможно.

Мэри посмотрела на сына долгим, пристальным взглядом. Дэниел встретившись с матерью глазами, опустил глаза в пол, почувствовав легкий укол смущения.

– Не понимаю, откуда у тебя столько жестокости? Хотя, стоит посмотреть на твоего отца и все становится понятно.

– Зачем на меня смотреть? – в комнату вошел Эван Макмилан.

– Это совсем неважно, – махнула рукой Мэри Макмилан, принимаясь за мойку посуды.

– Как это неважно? Если вы говорили обо мне, то для меня это даже очень важно.

– Я сказал, что Тайги неплохо было бы кастрировать, чтобы в будущем не орал под окнами вместе с себе подобными, – сказал Дэниел. – А она, – Дэниел кивнул на мать, – сказала, что я жестокий, а все благодаря тебе.

– Давно надо было кастрировать, – согласился Эван Макмилан. – А то действительно ночами спать не дают. Да все твоя мать. Жалко ей, видите ли, кота. Сердечная какая. Но человек – жестокое существо, и ты должен это хорошо запомнить, – Эван Макмилан наставил на сына указательный палец, будто пистолет. – Мир чертовски дерьмовое место. Несправедливое и жестокое впридачу, но жизнь – это борьба, и если ты хочешь выжить в нем, надо бороться, быть жестоким, чтобы, когда слабаки сдохнут, ты выжил. Это я тебе говорю, Эван Макмилан. Поэтому если тебя называют жестоким, гордись этим, принимай это как комплимент. Если бы в древности люди были такие, как наша мама, их давно бы пожрали саблезубые тигры, и мы бы сейчас с тобой не разговаривали. На слова матери не обращай внимания, это все женские глупости. Ты – мужик, а мужик не должен быть тряпкой. Запомнил? – Эван Макмилан поднял бровь в сторону сына.

– Запомнил, – сказал Дэниел.

– Вот и хорошо. А теперь давай иди, куда послали. С котом мы с матерью уже все решили. Несколько дней поживет у нас, а потом, если не найдем куда пристроить, вышвырнем на улицу.

Мэри мыла посуду и слушала разговор отца с сыном. Если бы Эван Макмилан был более внимательным, то услышал бы тихие вздохи, издаваемые супругой. Но он их не слышал, да и вряд ли хотел услышать.

Едва затихли последние слова мужа, Мэри Макмилан оторвалась от мытья посуды и посмотрела на мужа.

– Ты же говорил, что согласен, чтобы Тайги пожил у нас, пока мы не пристроим его. Разговора об улице не было.

– Не было, так будет, – Эван Макмилан нахмурился.

– Но нельзя же просто взять и выкинуть животное на улицу, – тревожное выражение появилось на лице Мэри Макмилан.

– Почему нельзя? – удивился Эван Макмилан. Заметив, что Дэниел все еще на кухне, он сказал. – Ты все еще здесь?

– Иду уже, – Дэниел засунул лист бумаги со списком продуктов в карман штанов и направился в прихожую. В коридоре он встретил Тайги. Кот собирался посетить туалет, но, заметив Дэниела, развернулся и метнулся в гостиную. Дэниел ухмыльнулся.

«Бойтся, – подумал он. – Так и должно быть. Животное».

В прихожей Дэниел быстро обулся, после чего натянул на плечи ветровку, бросил в карман оставленные матерью деньги и вышел из квартиры. Уходя, он улыбнулся, услышав часть разговора между родителями. Отец разрешил оставить Тайги не больше чем на три дня. Если кота никто не захочет забрать, то быть ему дворовым котом.

«Давно надо было это сделать, – подумал Дэниел. – Чертов кот. Как мне теперь взять в руки тетрадь с лекциями по финансовому регулированию? Бля. Она вся провоняла кошачьей мочой. Придется все переписывать в другую тетрадь. Долбаное животное. Там же писать и писать. Все же хорошо, что я рассказал отцу про обосцанную тетрадь».

Дэниел закрыл за собой входную дверь и направился к лестнице. Взгляд, брошенный в сторону квартиры вдовы Дженкинс, воскресил в памяти просьбу матери.

«Потом, – решил Дэниел. – На обратном пути. Никуда эта сумасшедшая не денется».

Дэниел спустился на первый этаж, вышел из дома, оглядел пустой внутренний дворик и двинулся к автобусной остановке. Ближайший продуктовый магазин, а вернее небольшой магазинчик, больше смахивающий на лавку, где семья Макмиланов часто покупала продукты, находился на Бернтон-стрит. Расстояние было приличным, поэтому Дэниел решил дожидаться автобуса, чтобы не идти пешком. Ждать пришлось недолго, минуто-другую спустя из-за пово-

рота показался синий автобус с большим лобовым стеклом. Дэниел сразу его узнал. На этом автобусе он часто ездил домой после занятий в универе.

Автобусная дверь с сердитым шипением распахнулась, приглашая Дэниела внутрь. Дэниел поднялся по ступенькам в салон, достал из кармана ветровки мелочь и отсчитал стоимость проезда, после чего плюхнулся на ближайшее свободное место и принялся рассматривать город из окна автобуса.

Знакомое шипение наполнило салон автобуса. Дверь закрылась, и автобус покатил по узкой улице. Людей в салоне, как и на улице, было мало, и похоже Дэниел догадывался почему. Взгляд его переместился выше и зацепился за темное одеяло, укрывшее небо. Жирные, наполненные водой, словно кровью, тучи висели так низко, что, казалось, вот-вот обрушатся на землю, похоронив ее под собой.

Минуту погодя молния резанула небо. За ней, словно верная собака за хозяином, вдогонку устремился гром. Рокот прокатился по небу и затерялся среди облаков.

– Черт, – пробормотал Дэниел. – Погода дрянь, а я зонтик не взял.

На стекло упали первые капли дождя. Маленькие, поначалу робкие, но с каждой новой минутой обретающие все большую и большую силу. Глухой, свистящий, монотонный звук донесся спереди. Дэниел бросил взгляд на лобовое стекло автобуса; оказалось, это заработали дворники. Дэниел отвернулся от лобового стекла в тот миг, когда автобус остановился на очередной остановке.

– Это же моя, – Дэниел вскочил на ноги и выскочил из автобуса, прямо в холодные и мокрые объятия проливного дождя.

– Долбаная погода. Промокнуть еще не хватало, – Дэниел скрежетнул зубами и побежал к магазинчику, распахнувшему дверь метрах в ста от остановки.

Вбежав в магазин, Дэниел вздохнул с облегчением, хорошо, что он догадался накрыть голову ветровкой. С мокрой ветровкой он еще мириться мог.

В магазине кроме Дэниела и продавщицы, седовласой невысокой женщины с широким пухлым лицом, оказалось еще четыре человека – две пожилые женщины и мужчина с мальчишкой.

Купив необходимое, Дэниел пробрался к выходу и выглянул наружу. Дождь лил, точно с ума сошел. Поднялся ветер и принялся завывать в подворотнях. Черные тучи заволокли небо, скрыв его от окружающего мира, но белые вспышки молний, словно некое орудие в руках неведомого бога, яростно рвали их на части, будто желая во что бы то ни стало избавить небо от выпавшей злой участи быть сокрытым от глаз живых существ в поднебесном мире. Сердитым стариком где-то в вышине ворчал гром. По серой неприветливой дороге побежали ручьи.

Дэниел посторонился, пропуская внутрь магазина девушку с парнем.

– Чуть не смыло, – услышал Дэниел веселый голос девушки. – Как мне эта погодка напоминает нашу, в Глазго.

– Знаешь, Джесс, Британские острова не то место, где можно долго нежиться на солнце.

– Согласна, Оливер, – голос девушки на какое-то время затих внутри магазина, но вскоре послышался вновь.

Парень с девушкой остановились недалеко от Дэниела и что-то высматривали на витрине. Дэниел про парочку быстро забыл, погрузившись в водоворот собственных мыслей. Глядя на буйство природы перед глазами, Дэниел почувствовал, как его настроение испоганилось вконец. Да и как ему не испортиться, когда он вынужден стоять в этом душном магазине, слушать бессмысленную болтовню окружающих и ощущать спиной сырость, исходящую от мокрой ветровки, вместо того чтобы сидеть в тепле и уюте своей комнаты. Даже возможные ссоры родителей его сейчас нисколько не отпугивали от родного дома. Лучше сидеть там, чем стоять здесь и трястись от холода.

Дэниел почувствовал, как легкая дрожь начала сотрясать тело. Это было неудивительно, влага от мокрой ветровки просочилась сквозь рубашку и даже майку и теперь неприятно холодила тело. Прохладный ветер, то и дело шевелящий черные как вороново крыло волосы на голове Дэниела, забирался под одежду и гулял по телу юноши, словно хозяин по собственному поместью.

– В такую погоду только дома сидеть, да чай с пудингом пить, – пробормотал Дэниел, наблюдая за тем, как капли воды стучат по лужам.

– Вы не любите такую погоду? – услышал он мгновение спустя приятный голосок.

«Я же никого не трогаю, – сознание Дэниела кольнула мыслишка. – Так какого черта трогать меня. Или поговорить не с кем?»

Дэниел повернулся на голос и увидел рядом ту самую девушку, которая совсем недавно вошла в магазин вместе с парнем. Дэниел поискал того глазами. Парень разговаривал с продавщицей. Девушка же стояла возле Дэниела и выглядывала на улицу. В какой-то миг она оторвала взгляд от улицы и посмотрела на Дэниела. Удивительные голубые глаза девушки улыбнулись, да и сама девушка казалась довольно-таки общительным и веселым человеком, а еще...

«Черт, а она красивая, – подумал Дэниел, бросив осторожный взгляд на лицо девушки. – Даже очень. И двадцати еще нет».

– Я ненавижу такую погоду, – уточнил Дэниел, устремив взгляд на улицу. Какой-то миг перед его глазами стоял прекрасный образ незнакомки. Ее большие, с удлинением к вискам внешним кончиком глаза, узкие арки черных бровей, небольшой прямой нос, тонкие полоски алых губ. Как отметил про себя Дэниел, у этой девушки была хорошенькая фигурка, юная девичья фигурка, пышущая жизнью и здоровьем. Одежда, которая была на девушке, только подчеркивала все ее телесные достоинства. Тонкие синие джинсы, черная кофточка с воротником под шею, кожаная белая курточка и короткие сапожки на высоком каблуке. На какой-то миг Дэниел даже позавидовал ее парню. Эта девушка была из той породы девушек, которых Дэниел называл «девчонки для других парней». Именно к таким он относил Кэйлу. Неприступные, роскошные и чертовски желанные.

«Эта такая же, – подумал Дэниел. – Таких только деньги и развлечения интересуют. Одним словом, похотливые самки».

– А мне нравится такая погода, – улыбнулась девушка. – Но все же тепло я люблю больше. Я прошлым летом была с родителями во Франции, в Ницце – там так классно. Столько солнца за раз я никогда прежде не видела.

«Так я и думал, – подумал Дэниел и ухмыльнулся. – Она из толстосумов. Такие как она любят роскошную жизнь, красивых мальчиков и пустой треп, как сейчас. Пошла бы она лучше со своим парнем трепаться. И так тошно», – Дэниел посмотрел в сторону парня девушки, будто в надежде, что тот уже идет за своей барышней. Но тот, как назло, продолжал разговаривать с продавщицей.

– Я Джессика, – девушка протянула руку Дэниелу.

«А мне какое дело, кто ты? Может, прикажешь еще и поцеловать твою руку?» – подумал Дэниел, скривив губы в некоем подобии улыбки. И, тем не менее, что-то заставило его протянуть руку и слегка пожать девушке ладошку, маленькую и изящную.

– Дэниел, – представился юноша, чувствуя робость, возникшую глубоко внутри. Глаза девушки завораживали, заставляли мысли путаться, а ладонь в руке оказалась такой нежной и мягкой, что ему захотелось подольше подержать ее в своей руке. Но Дэниел быстро прогнал это желание, отпустил ладонь девушки и убежал взглядом на улицу. Дождь начал стихать. Свинцовые тучи понемногу рассеивались, обещая в скором времени явить миру голубое небо, озаренное океаном солнечного света.

– Я из Глазго, но сама англичанка, родом из Лондона. А ты местный?

«Англичанка, – Дэниел едва не выплюнул это слово, но вовремя удержался.

– Мало того, что она из толстосумов, так еще и из английских толстосумов. Развелось вас, как блох у бродячей собаки».

– Я из Стерлинга, – Дэниел старался казаться безразличным, и это у него отлично получалось. Его взгляд продолжал блуждать по улице, а голос был лишен эмоций. Но девушка, казалось, не замечала холодности, исходящей от Дэниела, а может, просто не обращала на нее внимания. Мало ли какие у человека проблемы в жизни.

– Значит, местный. У вас здесь прикольно. А вон там мой кузен Оливер, – едва не пропустил Дэниел слова девушки.

Из-за поворота показался автобус. Дэниел подумал, что если он поторопится, то успеет на него. Дождь почти закончился, а те капли, что лениво тревожили близлежащие лужи и дождем назвать нельзя было – так, легкая морось.

Дэниел посмотрел на девушку.

– Вот тот парень, который разговаривает с продавщицей, – девушка улыбнулась и указала пальчиком в сторону.

– Понятно, – сказал Дэниел. – Ладно, мне пора. Мой автобус едет. Пока, – Дэниел крепче ухватил кулек с продуктами и, сопровождаемый слегка растерянным взглядом девушки, выскочил из магазина.

Глава 3. Судьба Тайги

Спустя полчаса Дэниел стоял на Ковейн-стрит и смотрел на внутренний дворик дома, в котором жил. Маска отвращения исказила его симпатичное лицо. Ветер разогнал тучи на небе, но те тучи, что в эти минуты сгушались внутри Дэниела, он был разогнать не способен.

Прямо за забором, недалеко от двух берез, укрывших часть двора от лучей заходящего солнца, на лавочке сидела вдова Дженкинс, а возле нее крутились ее кошки.

– Зоопарк, прям, какой-то, – пробормотал Дэниел. – Сидела бы со своими кошками у себя в квартире, так нет, надо и на улицу их вытащить, чтобы людям глаза мозолили. Чтоб ее с ее кошками.

Дэниел спустился по короткой каменной лестнице во дворик и направился к подъезду. Оставалось пройти с десятков метров, когда одна из кошек вдовы Дженкинс решила обратить на себя внимание, подбежала к юноше и завертелась у его ног, то и дело издавая тихое мурлыканье.

– Чтоб тебя, – чертыхнулся Дэниел и сделал первое, что пришло на ум: подцепил кошку ногой и отбросил в сторону. Кошка недовольно мяукнула, извернувшись в воздухе и приземлившись на все четыре лапы недалеко от юноши. Бросив на Дэниела обиженный взгляд, она еще раз мяукнула и побежала к товаркам, оседлавшим березы в центре двора так обильно, словно яблоки яблоню в год хорошего урожая.

– Дэниел! – тишину двора нарушил окрик. – Ну как же так можно?! Это же живое существо!

Дэниел повернул голову на голос. Вдова Дженкинс стояла возле лавочки и качала головой. Сердитый взгляд старухи был обращен на юношу. Черные брови сомкнулись над переносицей, едва не образовав одну сплошную линию. Зеленый берет съехал набок, и из-под него, будто корни деревьев из-под земли, выбились пряди кучерявых, изъеденных сединой волос.

Дэниел вздрогнул, почувствовав на себе буравящий взгляд вдовы Дженкинс. На миг ему стало страшно. Уж больно злобной казалась в своем праведном гневе старуха. Ему захотелось как можно скорее очутиться дома, там, где не будет ни вдовы Дженкинс, ни ее назойливых кошек. Дэниел заметил, как еще две кошки направились к нему.

– Тупые животные, – буркнул Дэниел, после чего посмотрел на вдову Дженкинс и сказал:

– А чего она под ногами путалась? Людям пройти уже нельзя. В ответ старуха в который раз покачала головой и сказала:

– Глупый мальчишка. Страдать других заставляя, себя радости лишая, чужую боль ощущая, иную жизнь проживая. Если бы ты был хоть чуточку мудрее, знал бы, что любое зло, причиненное живому существу, всегда возвращается к тому, кто это зло совершил. Никто не знает, когда и как это произойдет, но это обязательно произойдет. Хочешь ты этого или нет, но возмездия избежать не удастся.

– Глупости это все, – ухмыльнулся Дэниел, набравшись храбрости. – Лучше держите своих кошек при себе, чтобы они под ногами не путались. А то эти безмозглые животные только то и могут, что путаться под ногами или спать целые дни напролет. Бесплезные существа. Хотя бы мышей ловили, а то совсем разленились, – сказав это, Дэниел юркнул в подъезд и растворился в его темноте.

Поднявшись на второй этаж, Дэниел прислонил ухо к дверям собственной квартиры. Было тихо.

«Неужели успокоились? – подумал Дэниел, вспомнив о недавней ссоре родителей. – Надеюсь, хоть этот вечер мне никто не испортит».

Дэниел достал из кармана ключи и открыл входную дверь. Войдя в квартиру, юноша разулся и прошел на кухню. Из-под стола показалась голова Тайги. Заметив Дэниела, кот бро-

силса вон из кухни. Дэниел не смог удержаться от соблазна дать очередного пинка коту, что и поспешил сделать. От удара зад кота взмыл в воздух, увлекая за собой остальную часть кошачьего тела. Приземлившись на бок, Тайги мяукнул и побежал в гостиную. Дэниел оставил кулек с продуктами на кухне, а сам направился к себе в комнату.

Матери дома не оказалось. Отец же сидел в гостиной и смотрел новости по телевизору.

«Теперь понятно, почему так тихо в квартире», – подумал Дэниел, входя в комнату.

Дэниел достал из шкафа сухие спортивные, рубашку и переоделся. Сбросив мокрую одежду на пол, юноша подошел к столу. Сколько Дэниел ни приглядывался, найти след от кошачьей мочи не удалось. Даже запаха в комнате не осталось. Дэниел сразу догадался, чьих это рук дело, и кого стоило благодарить. Но вот о благодарности Дэниел если что-то и знал, то только понаслышке. Благодарность для Дэниела была чем-то иллюзорным и обязательно неприятным, так как заставляла испытывать муки ущемленной гордости, поэтому совсем неудивительно, что он старался избегать каких-либо проявлений благодарности со своей стороны.

Дэниел закрыл дверь в комнату на защелку, достал из выдвижного ящика стола учебник по истории и лег на кровать. В эти минуты Дэниел выглядел вполне довольным жизнью, ведь его никто не беспокоил, никто не мелькал перед глазами. Для кого-то такое одиночество было бы тягостным, но только не для Дэниела. Для него оно было манной небесной, маленьким собственным раем, где было тихо, спокойно и по-своему уютно. Дэниел любил одиночество и часто стремился к нему всей душой и телом, так корабль, утомленный долгим плаванием, жаждет обрести покой в уютной гавани родного города.

Некоторое время погода стук в дверь заставил Дэниела отвлечься от книги.

– Дэниел, я могу войти? – услышал юноша голос матери.

Дэниел отложил книгу в сторону, поднялся с кровати и подошел к двери. Щелкнув защелкой, он открыл дверь и сказал:

– Можешь.

Дэниел вернулся на кровать. Мать зашла в комнату и окинула ее взглядом.

– Я убрала после Тайги. Ты заметил?

– Ага, – Дэниел вернул в руки учебник.

– Ты сделал то, что я тебя просила? – Мэри прикрыла за собой дверь и посмотрела на сына.

«Черт! – пронеслось в голове у Дэниела. – Забыл! Ну и ладно, – Дэниел вспомнил инцидент во внутреннем дворике пару часов назад. – Нет, видется, а тем более разговаривать с этой чокнутой старухой я больше не хочу».

– Ага, – только и сказал Дэниел, уткнувшись носом в книгу.

– Точно?

– Ну да! Зачем мне врать-то? – Дэниел посмотрел на мать с укором во взгляде.

– Ладно, успокойся. Я тебе верю, – поспешила утихомирить сына Мэри. – И что сказала вдова Дженкинс? Она заберет к себе Тайги?

Дэниел на миг запнулся, лихорадочно соображая, что сказать. Скажет «да», придется разбираться с вдовой Дженкинс. Сказать «нет»? Тогда остается надеяться, что матери самой не вздумается заговорить со старухой о Тайги. Но выбирать уже не приходилось. Если врать, то врать до конца, победного или нет, это уже неважно.

– Нет, – выпалил Дэниел.

– Но почему? – встревожилась Мэри. Ее глаза приуныли, губы дрогнули, тонкие бороздки морщин избородили лоб.

– Сказала, что у нее своих кошек хватает, – нашелся Дэниел.

– Этого я и боялась, – вздохнула Мэри. – Небось вдове Дженкинс и со своими животными управляться трудно. Ничего не поделаешь. Нет, так нет. Подруги также отказываются забрать к

себе Тайги. Бедное животное. Неужели Эван и вправду выполнит угрозу и выкинет Тайги на улицу? Нет, я не переживу этого, – Мэри закрыла на какой-то миг лицо руками, словно хотела спрятаться от несправедливости окружающего мира. – Это же животное. Всего лишь бедное животное, жаждущее любви и ласки, да немного заботы. Как же он выживет на улице? О, Эван, Эван, не делай этого, – Мэри обхватила ладонями щеки, мольба застыла в глазах.

Дэниел наблюдал за матерью. Кривая улыбка играла на его губах. Ему, в отличие от матери, мысль о том, что отец вышвырнет Тайги на улицу, виделась очень даже привлекательной.

«Глупому животному и жизнь соответствующая, – скользнула в сознание мысль. – Да, именно так. А еще лучше смерть на помойке от голода. Будь я мэром, издал бы постановление об отстреле бездомных кошек. Собак же стреляют, так почему бы и кошек не пристрелить. Только заразу всякую разносят».

– Боюсь, эти выходные – последние дни для Тайги в нашей квартире, – голос матери вернул Дэниела в настоящее. – Как жалко. Эван ни в какую не желает оставить его на дольше. Бедное животное. Бедный, бедный Тайги. Как же мне будет не хватать тебя, – Мэри развернулась и вышла из комнаты.

Дэниел вскочил с кровати, подбежал к двери и дернул защелку.

– Два дня, – сказал он, возвращаясь на кровать. – Я еще успею на прощанье дать Тайги под зад парочку хороших пинков.

Дэниел упер голову о стену и пробежался взглядом по потолку. Ему эта идея нравилась, даже очень. Только вот если не будет Тайги, кому давать пинки под зад? Дэниел почесал затылок и устремил взгляд в окно. Солнце спряталось, и мир погрузился в темноту. На небе появились редкие блеклые звезды.

Дэниел, следуя какому-то интуитивному чутью, поднялся с кровати и подошел к окну. Открыв балконную дверь, он вышел на балкон и окинул взглядом сверху внутренний дворик. Вдовы Дженкинс и ее кошек уже и след простыл. Тишина окутала двор темным саваном, кое-где разгоняемым светом уличных фонарей. Только где-то там, со стороны дороги время от времени неслось рычание и пыхтение проезжающих автомобилей.

Дэниел оперся о перила и потянул носом прохладный ночной воздух. В квартире этажом ниже раздались голоса: женский и мужской. Любопытство овладело Дэниелом, он напряг слух и попытался разобрать слова. Но как Дэниел ни старался, услышать, о чем говорили мужчина с женщиной, оказалось невозможно, то ли разговор был тихий, то ли расстояние до разговаривающих было большим.

– Подумаешь, – Дэниел пожал плечами. – Больно надо.

Словно ведомый некой неведомой силой Дэниел посмотрел вправо и чуть не подскочил от неожиданности. Холод пробежал по спине, а лоб, наоборот, покрылся испариной. Дэниел почувствовал, как страх закопошился где-то внутри. Да и было от чего испугаться. На соседнем балконе стояла вдова Дженкинс и дырявила Дэниела пронзительным взглядом глубокопосаженных маленьких глаз. Худое лицо старухи хмурилось, губы сомкнулись, подбородок заострился, а ноздри раздулись, словно крылья хищной птицы. Черное одеяние вдовы Дженкинс растворилось в окружающей темноте, и если бы не ее мертвенно-бледное лицо, Дэниел вряд ли бы кого увидел на соседнем балконе.

Дэниел почувствовал, как задрожало его тело. Если бы от холода, но нет – от страха.

«Когда она молчит, становится еще страшнее, – подумал Дэниел, отводя взгляд в сторону. – Лучше бы она говорила».

Дэниелу жутко захотелось вернуться назад в комнату, запрыгнуть на кровать и накрыться с головой одеялом. Да, именно так он делал в детстве, когда чего-то очень сильно боялся. Дэниел сделал шаг назад, в любую минуту готовый развернуться и дать стрекача, затем еще

один и так, пяясь, словно рак, он вернулся в комнату, опустился на кровать и облегченно вздохнул.

– Ну и испугался же я, – прошептал Дэниел, чувствуя, как сердце разволновалось в груди. – Вот старая карга. Будь она неладна. Так и скопытиться недолго.

До ушей Дэниела донеслось мяуканье. Дэниел прислушался. Мяуканье несло из спальни. Дэниел приблизился к двери, отдернул защелку и выглянул из комнаты.

– Все будет хорошо, мой милый, – услышал Дэниел голос матери. – Я что-нибудь обязательно придумаю. Ты не останешься на улице.

В ответ понеслось тихое мурлыканье. Дэниел заглянул в спальню. Мать сидела на кровати в одной ночнушке и держала на коленях свернувшегося клубком Тайги. Мэри улыбалась и поглаживала короткую шерстку животного. Кот положил голову на лапы и довольно урчал, наслаждаясь движениями мягких, заботливых рук хозяйки.

«Телячьи нежности», – подумал Дэниел, возвращаясь в свою комнату. Дэниел вытащил из кармана мобильник и посмотрел на экран. Время близилось к полуночи. Пора было ложиться спать. Завтра предстояла дурацкая поездка к родственникам в Эдинбург.

– Ну почему меня никто не хочет оставить в покое? – жалобно проговорил Дэниел, снимая рубашку и бросая ее на стул. – Я же никого не трогаю, так почему меня все время кто-то цепляет? Достали уже.

Дэниел стянул штаны и остался в одних трусах и майке. Бросив штаны к рубашке, он собрался выключить свет в комнате, когда вновь услышал мяуканье.

– Да что он никак не уймется, – Дэниел нахмурился и погасил свет. – Даже поспать спокойно не даст.

Снова послышалось мяуканье. Дэниел остановился на полпути к кровати и прислушался. Мяуканье несло как будто со стороны балконной двери.

– С чего бы это? Может, померещилось? Долбанные кошки. Скоро сниться будут, – Дэниел сделал несколько шагов в сторону балконного проема. Приблизившись к двери, он выглянул на балкон и принялся рыскать глазами из стороны в сторону. Дэниелу понадобилось несколько минут, чтобы в темноте ночи разглядеть темный комок шерсти, сидевший на перилах балкона.

– Ну, это уже вообще наглость, – Дэниел почувствовал раздражение. Открыв балконную дверь, он вышел на балкон, приблизился к перилам и боязливо заглянул на соседний балкон. Тот был пуст. При виде пустого соседнего балкона Дэниел испытал огромное облегчение. Но это облегчение сменилось негодованием, когда его взгляд задержался на черном с белыми пятнами тельце животного. Кошка не двигалась. Немигающий взгляд ее желтых глаз был устремлен на Дэниела.

– Чего уставилась? Брысь отсюда, – Дэниел махнул рукой в сторону кошки. – Вали к себе домой.

Кошка продолжала смотреть на Дэниела. Тихое мяуканье нарушило тишину ночи.

– Давай отсюда, а не то хуже будет, – пригрозил Дэниел. В ответ мяуканье, но и только.

– Чтоб тебя, – Дэниел прижался к перилам рядом с кошкой и посмотрел по сторонам. – Я тебя предупреждал, тупое животное. Сама виновата.

Дэниел еще раз повертел головой, желая убедиться в отсутствии свидетелей, затем подхватил кошку двумя руками и бросил с балкона. Раздался громкий «мявк», и кошка понеслась вниз. Дэниел проследил за падением кошки, удовлетворенно хмыкнул и вытер руки о майку.

– Со мной шутки плохи, – ухмыльнулся Дэниел, наблюдая за кошкой. Та сидела под балконом на траве внутреннего дворика, запрокинув голову кверху, и жалобно мяукала. Где-то скрипнула балконная дверь. Дэниел с запозданием понял, что эта дверь вела в квартиру вдовы Дженкинс. Юноша вздрогнул, быстро отстранился от перил, развернулся и на цыпочках направился назад в комнату. Теперь ему здесь точно делать было нечего.

Оказавшись в комнате, Дэниел закрыл балконную дверь и прислонился ухом к стеклу. С улицы донесся взволнованный голос вдовы Дженкинс, зовущий кошку. Где-то внизу раздалось мяуканье, а спустя мгновение приглушенный вскрик потревожил окрестности. Дэниелю не составило большого труда догадаться о его причине. Конечно же, вдова Дженкинс увидела кошку и теперь ломает голову над тем, как та оказалась во внутреннем дворе. Волна легкого удовлетворения от содеянного накатила на Дэниела, пробудив к жизни на его лице ехидную улыбку.

– Будет знать, – хмыкнул Дэниел, после чего пересек комнату и запрыгнул на кровать. Забравшись под одеяло, Дэниел прислушался. С улицы все еще доносился взволнованный голос вдовы Дженкинс, приглушенный закрытой балконной дверью. Затем голос затих, и наступила тишина. Стало так тихо, что Дэниелю на какой-то миг показалось, что он потерял способность слышать. Тишина, одобренная хорошей порцией непроницаемой темноты, была злоедей. Совсем некстати в памяти всплыло лицо вдовы Дженкинс. Дэниелю стало не по себе, он почувствовал, как покрылись испариной лоб и ладони. На память пришли слова, сказанные ему вдовой Дженкинс:

Страдать других заставляя, себя радости лишая, чужую боль ощущая,
иную жизнь проживая.

Дэниел раскрылся и перевернулся на бок.

– Глупости все это, – он зевнул и закрыл глаза. – Пора спать, а то завтра рано вставать. Столько разной чуши надо будет сделать. Что ни говори, а животным в этом деле проще. Ни забот, ни хлопот. Живи себе в свое удовольствие и в ус не дуй. Интересно, как это быть животным? Наверное, до грусти скучно и... и, конечно же, примитивно.

Дэниел снова зевнул, устроился удобнее на кровати и замер. Последнее, что он слышал, проваливаясь в мир иллюзий, было тихое мяуканье Тайги, донесшееся, словно издалека, из мира, где тишина была редкой гостьей, а часто и непрошеной.

Глава 4. Из тела в тело

Солнечный луч проник в комнату сквозь просвет между шторами, упал на подоконник, скользнул на пол и замер, словно в раздумии, куда отправиться дальше. Несколько мгновений спустя он устремился вперед, робко коснулся Тайги, спавшего в корзинке на полу рядом с кроватью Мэри Макмилан, и остановился. Вслед за солнечным лучом в комнату сквозь открытую форточку проник порыв утреннего ветерка, подергал за бежевого цвета штору, будто желая удостовериться в ее прочности, затем колыхнул белую, украшенную узорами в виде больших головок тюльпанов и роз тюль, и растворился в тишине комнаты.

В комнате помимо Тайги никого не было. Мэри Макмилан проснулась рано – солнце только выплыло из-за горизонта и устремилось в долгий путь по бирюзовому небесному океану – и сейчас, радуясь теплым лучам майского солнца, тихо постукивала ножом на кухне, готовя завтрак для семьи. Эван Макмилан также не задержался в кровати, поднялся вслед за женой и перебрался в гостиную, где и замер с книгой в руках. Поэтому Тайги никто не мешал спать. Спать он любил и делал это так часто, что домашним иногда казалось, что кошачья жизнь – это один большой сон, время от времени прерываемый походами на кухню к тарелке с едой или в туалет к судочку. Но Тайги был всего лишь котом и как все коты и кошки делал то, что требовала от него природа. Если природа требовала, чтобы он ел, он направлялся на кухню и ел, если требовала сна, он забирался в корзинку и спал, при этом было неважно, сколько времени он на все это затрачивал, ведь Тайги, как и любое другое животное, руководствовался в жизни инстинктами.

Сегодняшнее утро, на первый взгляд, мало чем отличалось от предыдущих. Но это на первый взгляд. Едва луч солнца коснулся шерстки Тайги, кот лениво открыл один глаз, окинул пространство перед собой, открыл второй глаз, зевнул, при этом из его кошачьей пасти вырвался звук, очень похожий на человеческий зевок, и потянулся. Сделал он это все так по-человечески, что окажись рядом человек, он был бы несказанно удивлен человеческими повадками одного из представителей кошачьих. Но Тайги его повадки нисколько не удивляли, так как были для него привычны. Вот уже минимум лет пять из тех, что он себя помнил, он просыпался именно так – сначала открыв один глаз, как правило, левый, затем второй, далее следовал широкий зевок и потягивание, потягивание настолько тщательное, что от этой тщательности хрустели кости. Но...

Но внимательный читатель, читая эти строки, вполне резонно обвинит автора, если и не во лжи, то в плохих знаниях математики обязательно. Если Тайги только год-два от роду, то как он мог соблюдать утренний ритуал просыпания вот уже пять лет? Для того чтобы узнать ответ на этот вопрос, необходимо перенестись вовнутрь черепной коробки Тайги. Не пугайтесь. Орган внутри черепа животного бывает не настолько примитивным, как о нем думает человек. Большей частью он не менее загадочен и удивителен, чем его человеческий аналог. Итак...

Кот открыл один глаз, затем второй, заметил луч солнца, словно ребенок играющий на его шерстке, зевнул и потянулся. Привычного хруста костей не последовало. Но кот не обратил на эти мелочи никакого внимания, так как увлекся непонятными ощущениями, возникшими в груди после пробуждения. Странная легкость появилась в теле, как будто тело стало меньше весить. А еще удивительная гибкость. Так приятно было прогибать спину. Раньше все было иначе, по-другому.

«Ну да ладно. Все это пустяки, – пронеслось в кошачьей голове. – Надо вставать, но я бы поспал еще немного, часик, а лучше два».

Кот лег на спину и раскинул лапы в стороны.

«Балдеж, – подумал он. – Суббота. Выходной день. Хорошо было бы, если бы всегда была суббота. Никто тебе мозги...», – поток мыслей замер, когда взгляд пробежался по потолку, на мгновение задержался на голубой люстре с тремя плафонами, переместился, повинувшись движению головы к стене, и остановился на молочных обоях.

Кот перевернулся на бок, ни на секунду не отводя взгляда от стены, поднялся на ноги и замер, словно статуя.

«А что я делаю в спальне?» – метеором пронеслась в голове мысль. Кот окинул взглядом комнату.

«Почему оно все такое... такое большое? И что это за корзинка?» – кот опустил голову и посмотрел на небольшую красную подушку под лапами.

«Лапы?!?! – сознание кольнуло озарение. – С каких пор у меня лапы?!?! Что за бред?!?! Я что, сплю и вижу дурной сон?!?!»

Поток мыслей водопадом обрушился на животное. Взгляд снова упал на лапы, пробежался по лохматому брюшку и застыл на длинном пушистом хвосте. Ведомый непонятным импульсом кот бросился к трюмо, подпиравшему стену напротив кровати. В голове возник вакуум, мысли исчезли, оставив после себя лишь смятение и страх. В мгновение ока кот оказался на стуле рядом с трюмо, перепрыгнул на столик и замер перед зеркалом. Спина выгнулась, лапы выпрямились, хвост поднялся трубой, и тихое шипение наполнило комнату, когда кот увидел свое изображение в зеркале: изображение кота породы скоттиш-фолд тигрового окраса.

Минута бежала за минутой, а кот все так же стоял и смотрел на свое изображение в зеркале. Холодок неприятно дергал за выгнутую спину, сердце гулко стучало в груди. Наконец кот закрыл глаза. Выждав некоторое время, он открыл их вновь. Нет. Ничего не изменилось. Из зеркала на него все также испуганными глазами смотрел скоттиш-фолд.

«Тайги, – пугливой мышью в сознание скользнула мысль. – Это Тайги... тело Тайги... но сознание... сознание мое... мое... Д...д...д... Но это же невозможно! Невозможно!!!»

Глаза кота готовы были выскочить из орбит, рот открылся, чтобы исторгнуть крик и... и закрылся, как только комната наполнилось кошачьим визгом.

«Я кот!!! Нет!!! Этого не может быть!!! Я сплю!!! Я СПЛЮ!!!» – Дэниел, а ведь это был именно он, точнее его сознание в кошачьем теле – тряхнул кошачьей головой, будто пытаясь сбросить наваждение. Но наваждение и не думало проходить. Оно как будто издевалось над ним, тревожа и без того испуганное сознание.

«Этого не может быть, – Дэниел почувствовал, как увлажняются глаза. – Не может... быть».

Дверь в спальню открылась, и на пороге возникли Мэри и Эван Макмиланы, привлеченные кошачьим воплем.

– Тайги, малыш, что с тобой? – спросила Мэри, направляясь к коту.

– Чего разорался, чертов кот? Собственного изображения в зеркале что ли испугался? Какого черта ты вообще забрался на трюмо? – Эван сложил руки на груди и оперся о дверной косяк.

Мэри подошла к коту и протянула руку, чтобы погладить его.

– Все хорошо, малыш. Ты что, плачешь? – встревожилась женщина, заметив влагу на глазах кота. – Не бойся, мой хороший, я рядышком, и никому не дам тебя в обиду.

– Тьфу ты, – скривился Эван. – Ты бы ему еще сиську дала. Вот ведь дура. Пойду Дэниела разбужу. Сколько можно спать? Или он забыл, что я ему вчера говорил? Видно, пора ему напомнить, кто такой отец. Распоясался, змееныш.

Эван бросил взгляд на Мэри и кота, сплюнул, развернулся и покинул спальню. Мэри же коснулась стоящих торчком волоском на спине кота и сказала:

– Я рядышком, Тайги. Рядышком.

«Мама? – Дэниел, поднял голову и посмотрел на мать. – Это я, мама. Дэниел. Мама, мне страшно. Мама!»

– Тайги, малыш, все уже хорошо? – Мэри провела рукой по голове кота и улыбнулась.

«Мама, это не Тайги. Это я, Дэниел», – Дэниел открыл рот, и из пасти послышалось мяуканье.

– Ну чего ты, мой хороший? – Мэри заглянула коту в глаза. Легкая полуулыбка играла на ее губах. – Почему ты плачешь? – Мэри осторожно вытерла ладонью слезы с глаз кота. – Что с тобой, Тайги? Скажи мне.

«А я что делаю, тупая твоя башка, – приглаженная шерсть на спине кота взвилась вверх, из пасти вырвалось шипение и сердитое мяуканье. – Я не Тайги! Я Дэниел! И перестань меня гладить! Я ненавижу это!» – передняя лапа кота молниеносно поднялась, острые когти, словно лезвие автоматического ножа, выскользнули из пазух на лапе и полоснули по руке Мэри.

Мэри вскрикнула и отдернула руку. Капельки крови появились на правой руке между большим и указательным пальцем.

– Тайги! – воскликнула женщина, пораженная случившимся. Впервые за все время пребывания в их семье кот поцарапал ее.

«Будешь знать», – Дэниел спрыгнул на пол и забрался под кровать.

– Невероятно, – прошептала Мэри, направляясь к выходу из комнаты. – Бес в него что ли вселился?

Внезапно ее ушей достигло чертыхание мужа и сильный стук в дверь. Звук несясь со стороны комнаты Дэниела. Влекомая плохим предчувствием, Мэри побежала на звук. Вслед за ней, ведомый любопытством, мягко ступая по паркетному полу, направился и Дэниел.

– Эван? – Мэри подбежала к мужу.

Тот стоял у двери, ведущей в комнату Дэниела, и стучал по ней кулаком.

– Ты откроешь эту чертову дверь или я, ей богу, вышибу ее, – Эван размахнулся и всадил кулак в дверь. Стекло вставок в двери задрожало и зазвенело, жалуясь на судьбу.

– Эван, что... что случилось? – голос Мэри дрогнул.

– Этот идиот опять закрыл дверь на задвижку. Но это еще цветочки. Хуже то, что он ни в какую не хочет открывать дверь.

– Но почему? – Мэри захлопала ресницами.

– Мать твою! А я почему знаю?! – заорал Эван. – Только дразнит, сволочь этакая! Родного отца, да дразнит. Слышишь, слышишь, – Эван кивнул жене на дверь.

В возникшей тишине Мэри отчетливо услышала мяуканье. Нет, не настоящее мяуканье, скорее пародию на него. Уж больно голос был человеческим.

– Слышишь? – Эван повернул голову к жене. – Что я говорил? Негодник. Я с него шкуру спущу, дай только доберусь до него. Эту субботу он у меня надолго запомнит.

– Эван! – воскликнула Мэри, хватая мужа за руку. – Дай я поговорю с ним, пожалуйста. Он послушается меня и откроет дверь. Вот увидишь.

Эван метнул на жену сердитый взгляд, затем посмотрел на дверь и бросил:

– Пробуй.

Эван отошел на несколько метров от двери, оперся о стену и принялся наблюдать за женой. Мэри приблизилась к двери и прислушалась. В комнате Дэниела было тихо.

– Дэниел, мальчик мой, ты меня слышишь? – спросила Мэри, смахнув выступившие на глазах слезы. – Дэниел?

Мэри прислонилась ухом к двери, чтобы лучше слышать, но в ответ не раздалось ни звука.

– Дэниел, ты меня слышишь? – Мэри закусилла нижнюю губу. – Это я, мама. Открой, пожалуйста, дверь.

В комнате слышались звуки, вслед за ними ушей Мэри достигло испуганное псевдомяуканье.

– Издевается, гаденыш, – пробурчал Эван. Ладони его сжались в кулаки, затем разжались и опять сжались.

– Дэни, – слезы ручьем побежали из глаз Мэри. – Прошу тебя, открой дверь. Пожалуйста. Новая порция пародии на мяуканье потревожила тишину квартиры.

– У меня терпение не резиновое, – процедил Эван.

– Дени, ну открой дверь, – Мэри прислонилась к двери и, не обращая внимания на соленый дождь из слез, заливающий ее лицо, принялась постукивать костяшками пальцем по двери. – Дени! Милый, прошу тебя. Что с тобой? Открой дверь.

В ответ слышалось все то же мяуканье. Мэри вздохнула, прислонилась лбом к двери, закрыла глаза и замерла.

«Молится что ли?» – подумал Эван, отстранился от стены и подошел к двери, преграждавшей путь в комнату сына.

– Отойди от двери, – сказал он Мэри. – Молитва здесь не поможет. У меня в запасе есть более эффективное средство.

– Что ты надумал? – Мэри открыла глаза и повернула голову к мужу. Тревога появилась на ее лице.

– Неважно, – отмахнулся Эван. – Кому говорю, отойди от двери.

Мэри лишь мотнула головой. Смятение и испуг застыли в ее глазах. Слезы тонкими ручейками продолжали сбегать по щекам и скулам.

– Я кому говорю, отойди от двери! – Эван приблизился к Мэри, схватил за руки и оттолкнул в сторону. Мэри не удержалась на ногах и упала, едва не стукнувшись головой о стену.

– Последний раз предупреждаю: или ты откроешь эту чертову дверь, или я за себя не ручаюсь, – Эван подошел к двери и занес руку с видимым намерением ударить по двери.

Мэри с ужасом взидала снизу вверх на мужа. Зубы нервно покусывали сухие губы, слезинки одна за другой скатывались по щеке и падали на халат.

Дэниел в кошачьем теле лежал на полу в коридоре и выглядывал из-за угла. С одной стороны ему было страшно от осознания того, что сейчас произойдет, но с другой, его терзало любопытство – ему очень хотелось посмотреть на себя – человека. То, что Дэниел-человек по какой-то причине не желал открывать дверь, ему казалось странным, а пародия на кошачье мяуканье, то и дело доносившаяся из комнаты, наоборот, казалась забавной.

«Когда же он уже вышибет эту долбаную дверь, – подумал Дэниел, наблюдая за отцом с безопасного расстояния. – Вышибет ли он ее вообще, или я и дальше останусь в неведении о своем теле? Давай, сноси уже ее к чертовой матери!» – закричал Дэниел, напрочь забыв о том, что он кот. На миг охватившая квартиру тишина взорвалась кошачьим воплем.

Напуганные криком Эван и Мэри Макмиланы одновременно повернули головы к коту.

– Чего разорался, придурок?! – Эван стащил тапочек с ноги и запустил им в кота.

Дэниел, как зачарованный, наблюдал за полетом тапочка. Если тело у него было кошачьим, то реакция осталась человеческой. Эван мог гордиться собой, пущенный им тапочек попал прямо в кошачью морду.

Дэниел, почувствовав боль от удара, от неожиданности подлетел в воздух, шлепнулся на пол и несколько секунд затравленно озирался по сторонам, пока инстинкт самосохранения не заставил его броситься прочь из коридора, дабы отцу не взбрело в голову бросить в него и второй тапочек. В точности отцовского броска сомневаться уже не приходилось.

Дэниел влетел на кухню и забился под стол. Сердце бешенно стучало в груди, тело дрожало, нос болел.

«Он запустил в меня тапочком, – в сознании, словно рыба на крючке, забила одна мысль. Скажи Дэниел эти слова вслух, в них явно сквозило бы недоверие. – Запустил... в меня... тапочком. В меня? Тапочком?!»

Дэниел в недоумении уставился перед собой. Несмотря на то, что отец редко, но все же мог себе позволить рукоприкладство, Дэниелу было трудно поверить, что отец съездил его тапочком по морде. Даже то, что эта морда была мордой Тайги, которого он и сам в прошлом лупил, сейчас для него не имело никакого значения. Боль-то от удара чувствовал не Тайги, а он, Дэниел!

«Идиот! – сознание Дэниела взорвалось от немого крика. – Ты бросил в меня тапочком! Идиот! Придурок! Тупица! Чтоб ты себя каждый день тапочком по морде лупил!»

Дэниел зашипел и вонзил когти в пол, оставляя на паркете заметные отметины.

«Вот тебе! Еще и еще!» – когти снова полоснули по паркету, и новые царапины появились на полу.

Со стороны комнаты Дэниела слышался глухой стук и чертыхания Эвана Макмилана. Дэниел выбрался из-под стола и прокрался в коридор. Осторожно выглянув из-за угла, он бросил испепеляющий взгляд на лежавший неподалеку тапочек, затем посмотрел на отца. Тот повернулся боком к двери и плечом пытался ее выбить.

– Чертова дверь, – прорычал Эван Макмилан. – С корнями вырву эту защелку, и пусть только попробует поставить ее заново. Шкуру живьем спущу.

Мэри сидела на полу и продолжала лить слезы. Взгляд ни на секунду не отрывался от мужа. Ладони женщины были прижаты к губам, легкая дрожь сотрясала тело.

– Да чтоб тебя! – Эван навалился на дверь всем телом. Та не выдержала очередного удара и распахнулась. Останки задвижки сорвались с петель и звякнули об пол в комнате.

Эван ворвался в комнату и окаменел. На полу возле кровати на четвереньках стоял Дэниел. Тело его трясло. Глаза были широко раскрыты и смотрели на Эвана Макмилана с нескрываемым ужасом.

Мэри бросилась в комнату вслед за мужем, желая во что бы то ни стало предотвратить избиение. Но едва она оказалась в комнате, как замерла рядом с мужем, пораженная увиденным.

Как только родители скрылись в его комнате, Дэниел пробрался ближе к двери и заглянул в комнату.

«Мое тело, – в сознание проникла мысль. – Это мое тело».

Дэниел-кот растерянно опустился на задние лапы и посмотрел на Дэниела-человека. Он чувствовал смятение в груди. За смятением в сознание скользнуло ощущение одиночества. Как будто все уехали в другой город, а его забыли или еще хуже – оставили.

«Что за хрень? – подумал Дэниел. – Дэниел я или нет? Если я Дэниел, то кто это стоит на четвереньках возле моей кровати? Как по мне, вот он и есть самый настоящий Дэниел Макмилан. Тело-то у него Дэниела. Тогда кто же я? Почему я осознаю себя Дэниелом, а не котом? Что за чертовщина?»

Дэниел смотрел на человека на четвереньках и чувствовал, как в голове хаос только разрастается, грозя поглотить все его маленькое существо без остатка. Дэниел потряхнул кошачьей головой, затем закрыл глаза и застыл каменной статуей.

Открыть глаза его заставил голос Мэри. Женщина положила руку на грудь и сказала:

– Дэни? С тобой все хорошо?

Дэниел-человек затравленно посмотрел по сторонам, сжался в комок и... мяукнул, затем снова и снова. Мэри прикрыла ладонью рот от изумления. Глаза распахнулись, тело сотрясла дрожь. Никогда прежде не видела она сына таким. Ужас, граничащий с паникой, застыл в его глазах, глазах, взгляд которых был больше свойственен животному, а не человеку. В них была жизнь, но не было того, что свойственно всем людям, того, что делает людей разумными. В

них не было осознанности. И взгляд Дэниела, и движения, и манера поведения, – все свидетельствовало о том, что им движут инстинкты, а не разумность.

Мэри вскрикнула, когда поняла это. Вскрикнул, а вернее мысленно заорал и Дэниел-кот, когда понял, что произошло на самом деле.

«Это... это невероятно... этого не может... не может быть», – Дэниел затряс кошачьей головой, то ли желая избавиться от наваждения, то ли вытрясти человеческое сознание из кошачьего тела. Нет. Это было наваждение. Не больше. Не могло же на самом деле случиться то, что произошло. Не в XXI же столетии!

«Это Тайги, – Дэниел расставил ноги и сверлил взглядом человека на четвереньках. Хвост его судорожно метался из стороны в сторону. – В голове у этого парня сидит Тайги, а я, Дэниел, сижу в голове у Тайги, в голове тупого и никчемного кота. О, нет! Как такое возможно?»

Ноги отказались держать маленькое кошачье тельце. Перед глазами у Дэниела потемнело. Он завалился набок и потерял сознание.

Глава 5. В теле животного

Без сознания Дэниел пробыл недолго. Открыв глаза, он устремил опустошенный взгляд на Тайги. Тот все так же стоял на четвереньках, жался к кровати и время от времени издавал тихое мяуканье.

– Да ты что, не видишь, что он издевается? – пришел в себя Эван Макмилан. – Дразнит, змееныш! – с этими словами Эван подскочил к Дэниелу, схватил его за шиворот и повалил на кровать. Замахнувшись, Эван нанес удар ладонью по лицу Тайги-человека. Тот взвизгнул, вскочил на четвереньки, выгнул спину и зашипел. Глаза Тайги бешенно вращались, тело тряслось, словно от холода, пальцы рук судорожно сжимались и разжимались, комкая одеяло.

– Ах, ты ж, негодник. Немедленно прекрати! – Эван схватил сына одной рукой за шею, вторую занес для удара, но ударить не успел, Мэри подскочила к мужу и повисла на занесенной для удара руке.

– Пошла прочь! – Эван отпустил на какой-то миг шею сына, вцепился в Мэри и оттолкнул ее.

– Прошу тебя! Не бей его! – Мэри снова повисла на руке мужа. Лицо женщины было мокрым от слез. Ее тело сотрясала дрожь не менее сильная, чем и тело того, кто находился в теле ее сына. Но Эван снова оттолкнул ее. На этот раз сильнее. Мэри упала на пол, но быстро поднялась на ноги, чтобы не дать мужу ударить Дэниела. На какой-то миг она замерла, пораженная действиями сына. Тот зашипел, махнул рукой точь в точь как кот, когда ударил ее лапой, затем соскочил с кровати и бросился на четвереньках бежать из комнаты. Убежать далеко он не смог, Эван перехватил его на полпути к двери, бросил на спину и ударил по лицу ладонью.

– Не смей! – кричал Эван Макмилан, избивая сына. – Хватит издеваться! Или, ей богу, всю душу из тебя выбью!

Дэниел безразлично взирал на то, что происходило. Странная апатия охватила его разум и тело. На какой-то миг ему стало жалко этого трясущегося от страха юношу, лежащего на полу и пытавшегося защититься от ударов Эвана Макмилана. Но когда Дэниел подумал, что теперь в этом теле живет Тайги, то испытал даже легкое удовлетворение от процесса избияния. Так или иначе, теперь это не его тело, а значит, и не его заботы, связанные с ним. Он снова почувствовал отвращение к этому жалкому животному. Несмотря на то, что у этого животного было человеческое тело, оно продолжало оставаться животным – тупым, примитивным и беспомощным перед человеком.

Но если кому-то и было дело до избиваемого юноши, так это Мэри Макмилан. В который раз она подскочила к мужу и схватила его за руку, и в который раз оказалась отброшенной в сторону. Тем не менее ее упорству и силе материнской любви можно было позавидовать, она снова и снова бросалась к мужу, пока в конце концов не заставила того отвлечься от сына. Эван вскочил на ноги и собрался было обратить гнев на жену, когда взгляд его задержался на мокром пятне, возникшем, словно по волшебству, под сыном. Какое-то время он взирал на него с высоты, пытаясь понять, что это такое. Не кровь же. Не так уж и сильно он лупил Дэниела. Догадка яркой кометой ворвалась в его сознание. Вместе с ней на губах появилась ухмылка.

– Да никак обосцался, – Эван рассмеялся и схватил сына за ногу. Взгляд, брошенный на его мокрые трусы, подтвердил предположение. – Это ж надо такое. Взял и обосцался.

Смеясь, Эван Макмилан направился прочь из комнаты сына. На пороге он остановился, обернулся и посмотрел на жену:

– Я даю ему пятнадцать минут, чтобы привести себя в порядок, убрать за собой и быть готовым ехать с нами в Эдинбург.

Мэри стояла посреди комнаты и гладила сына по голове. Тот жался к ее ногам, хлопал глазами и ошарашенно поглядывал на Эвана Макмилана.

– Да неужели ты не понимаешь! – взмолилась Мэри Макмилан. – Он же болен! Наш сын болен. Его надо к врачу вести, а не на день рождения ехать.

– Болен? – Эван Макмилан казался удивленным. – С чего бы это? Вчера он не выглядел больным.

– Я не знаю, что произошло, – Мэри смахнула слезы с глаз и провела рукой по волосам сына. – Но, Эван, посмотри на него. Неужели ты не видишь сам, что с ним что-то не так? Будет ли здоровый человек вести себя так, как он? Подумай хоть немного. Ты же так гордишься своим умом.

Эван Макмилан нахмурил брови и устремил задумчивый взгляд на сына. В эти минуты тот действительно мало походил на человека. С его сыном явно что-то произошло. Это начал понимать и Эван Макмилан. Какое-то время он, молча, смотрел на сына, затем пожал плечами и сказал:

– Если весь этот цирк – это нежелание избежать поездки в Эдинбург, тогда он на самом деле кажется больным. Хотя никак не могу понять, что с ним произошло такое, что он за ночь из человека превратился в идиота. Сходи с ним к нашему семейному доктору, мистеру Брауну. Посмотрим, что он скажет.

Эван Макмилан вышел из комнаты сына и скрылся в гостиной. Мэри посмотрела на сына у своих ног, вытерла ладонью слезы с глаз и сказала:

– Дэни, ты слышишь меня? Давай, поднимайся на ноги. Я проведу тебя в ванную. Тебе надо помыться, а потом мы съездим к мистеру Брауну. Давай, дорогой, – Мэри попыталась поднять Дэниела на ноги, но тот едва почувствовал, как руки оторвались от пола, мяукнул и плюхнулся назад на пол. Похоже, стояние на четырех конечностях ему нравилось больше. Мэри опять попыталась поднять Дэниела, и снова безрезультатно, едва руки оказывались в воздухе, Дэниел возвращал их на пол.

– Что же мне делать, Дэни? Почему ты не хочешь становиться на ноги?

«Потому что он кот, а коты передвигаются на четырех лапах. Разве непонятно?» – решил вмешаться Дэниел, до этого тихо наблюдавший за безуспешными попытками поставить Тайгичеловека на ноги. Но вместо слов из пасти Дэниела послышалось мяуканье.

«А чтоб тебя, – подумал Дэниел. – Никак не запомню, что с сегодняшнего дня я больше не говорун. Мяукун какой-то».

Тихий вздох вырвался из груди Дэниела. Его взгляд устремился к Мэри, которая как раз обернулась, услышав мяуканье.

– Тайги, что же мне делать с Дэниелем? – удрученно произнесла Мэри, глядя на кота, лежащего на полу в коридоре. – Удивительно, но повадки Дэниела так похожи на твои. Как же мне поднять Дэни на ноги? Не пойдет же он на четырех конечностях к мистеру Брауну?

«Пристрелить. Что же еще с ним делать? Дэниел все равно я, а он тупой Тайги», – что-то похожее на улыбку появилось на кошачьей морде. Дэниелу понравилась его шутка. Чувство юмора у него все же осталось.

Мэри Макмилан отвернулась от кота и посмотрела на сына.

– А знаешь, мой дорогой, я знаю, что мы сделаем, – сказала она, опускаясь на колени и беря ладони сына в свои. – Тайги же ходит на задних лапах, когда я беру его за передние лапы. Может, и с тобой так получится? – Мэри оторвала ладони сына от пола и поднялась на ноги, увлекая за собой и Дэниела. Тот с опаской покосился на удаляющийся пол.

– Вот видишь, как хорошо, – улыбка, очерченная ноткой грусти, появилась на лице женщины. – Теперь пошли в ванную.

Мэри не спеша повела сына в ванную. Тот то и дело косился на пол, стены и потолок, будто видел их впервые. Но так оно и было, с высоты человеческого роста Тайги никогда прежде не видел свое место обитания.

Дэниелу пришлось подняться и отойти в сторону, чтобы его тело и хвост не оказались под ногами у этой парочки. Какое-то время он провожал мать и кота в своем теле равнодушным взглядом, затем фыркнул и двинулся на кухню. Кошачье тело, как и человеческое, требует еды. Дэниел почувствовал урчание в своем маленьком животе. Странно, но урчание его маленького желудка оказалось едва ли не таким же громким, как и урчание человеческого желудка.

«Такой маленький, а такой громкий, – подумал Дэниел, входя на кухню. – И как только в него могло влазить столько кошачьего корма, сколько съедал Тайги? Неужели и мне теперь предстоит провести остаток жизни у миски с кошачьим кормом? И какой жизни, раз в десять меньше человеческой!»

Дэниел загрустил. Ткнувшись мордой в эмалированную миску, доверху наполненную кошачью кормом, Дэниел принялся.

«Запах ничего так. Да и на вид кажется съедобным, – подумал он, потягивая носом воздух. – Мясо как-никак. Куриное к тому же, а я курицу люблю. Ладно меньше рассуждений, больше дел».

Дэниел взял зубами один кубик мяса, так осторожно, словно тот был драгоценностью, и проглотил.

«Съедобно. Конечно, не утка по-пекински, но есть можно, особенно когда больше нечего», – Дэниел склонился над миской. Спустя некоторое время с едой было покончено. Приятная тяжесть поселилась в кошачьем желудке Дэниела. Он отошел от миски, запрыгнул на табурет и свернулся калачиком. Спать ему не хотелось, но вот полежать и завязать жирок он был не против.

Скрипнула дверь в гостиную и, спустя мгновение, на кухню вошел Эван Макмилан. Открыв холодильник, он достал кусок копченого бекона и бросил на стол. Дэниел потянул носом. Бекон пах вкуснее, намного вкуснее кошачьего корма. Он всегда любил бекон. Он была таким нежным, таким сочным. Слюни начали заполнять рот Дэниела. Приятная тяжесть в желудке мгновенно была забыта, как и недавний прием пищи. Дэниел почувствовал голод, будто и не ел минуту назад. Словно зачарованный, Дэниел поднялся на лапы. Тело вытянулось струной по направлению к возжеленному куску аппетитного и ароматного мяса. Взгляд Дэниела, будто когтями вцепился в кусок бекона на столе и ни на секунду не желал его отпустить. Дэниел встал передними лапами на стол. Нос его дрогнул, втянув новую порцию воздуха, наполненного ароматом невероятного блаженства. Дэниел сглотнул. Кусок бекона был так близко, что, казалось, протяни лапу и дотронешься до него. Дэниел так и сделал, сопротивляясь этому влечению все равно было бесполезно, да и глупо. Дэниел вытянул шею, протянул лапу и... получил подзатыльник от Эвана Макмилана.

– Пошел вон, паразит! – рявкнул Эван, бросая на стол рядом с беконом булку хлеба.

Удар оказался такой силы, что Дэниел слетел с табурета и проехал мордой по полу. Глаза защипало от слез. Поднявшись на ноги, он с ненавистью посмотрел на отца.

«Чтоб ты подавился этим беконом», – Дэниел поморщился, чувствуя боль из-за недавнего соприкосновения морды с полом. Взмахнув хвостом, он вышел из кухни и направился в туалет. Откуда-то донеслось дикое мяуканье. От неожиданности Дэниел остановился, прислушался. Мяуканье несло из ванной.

«Какого черта этот придурок разорался?» – Дэниел приблизился к двери в ванную. Двери были закрыты. Остановившись под дверью, он прислушался к доносившимся из ванной звукам.

– Потерпи немного! Дэниел, да что же с тобой случилось?! Ты же никогда прежде не боялся воды!

Крик матери утонул в вопле кота в человеческом теле. Из кухни донеслись торопливые шаги Эвана. Дэниел на всякий случай поспешил спрятаться в спальне родителей. Получить пинок под зад от отца ему совсем не хотелось.

– Ты резать его собралась что ли?! – Эван пнул ногой дверь ванной. Заметив этот пинок, Дэниел почувствовал некоторое облегчение от осознания того, что убрался с дороги отца, не ровен час, этот пинок мог быть предназначен его мягкому кошачьему заду.

– Я не могу понять, что с ним? – Мэри открыла дверь и посмотрела на мужа.

– Он ни в какую не хочет мыться.

Дэниел пробрался за спину отца и заглянул в ванную. Тайги-человек сидел в ванной, фыркал и ошарашенно вращал глазами.

«Конечно не хочет, – внутренне ухмыльнулся Дэниел. – Коты же ненавидят воду».

Дэниел вспомнил, как когда-то успел проверить это на собственном опыте, окунув парочку раз Тайги в ванную, наполненную холодной водой. Тогда Тайги здорово его поцарапал, пытаясь вырваться из рук.

Вдруг Тайги вскочил на ноги, выпрыгнул из ванны, быстренько опустился на четвереньки и бросился прочь из ванной, при этом оттолкнув Мэри и едва не сбив с ног Эвана Макмилана. Светя голый задницей, он понесся в гостиную.

Мэри вскрикнула. Эван раскрыл рот. На какой-то миг тишина воцарилась в квартире, раз или два прерванная удаляющимися мявками Тайги-человека.

– Он что, с ума сошел? – Эван нахмурился.

– Я не знаю, боже, не знаю, – Мэри принялась покусывать губы. – И это очень меня пугает. Как будто кто-то вселился в него. Как же мне с ним к доктору идти? На него же люди пальцем будут показывать, словно на сумасшедшего.

– Позвони мистеру Брауну и попроси его прийти, тогда не придется никуда идти.

– Только это и остается, – плечи Мэри поникли. – Что же с ним такое? Кто бы мне сказал?

– Придет мистер Браун, вот он и скажет. Мне же эта клоунада уже порядком осточертела, и я собираюсь пойти прогуляться.

– Эван, да никакая это не клоунада. Неужели ты еще не понял? Твой сын болен, серьезно болен. Неужели для того, чтобы убедиться в этом, тебе надо заключение доктора? Где же твои глаза?

– Заключение доктора было бы очень кстати, – кивнул Эван. – А лучше заключение двух и более докторов. Глазам не всегда можно верить. Мы видим не то, что хотим, а то, что нам показывают.

– Ох, Эван, Эван, – Мэри покачала головой и двинулась в гостиную вслед за сыном. – Чему же верить, как не собственным глазам?

Эван двинулся за ней, за ними тенью скользнул Дэниел. Мэри вошла в гостиную. Эван остановился на пороге и окинул комнату взглядом в поисках сына. Того нигде не было видно.

– Куда он подевался? Он же в гостиную бежал, – Эван устремил взгляд на жену.

– В гостиную, – Мэри посмотрела по сторонам. Отодвинутое от стены кресло привлекло ее внимание. – За креслом прячется.

– Надо же, какой идиот, – пробормотал Эван. – Я думал, там только кот любит прятаться. Нет, я лучше пойду. Сумасшедший дом какой-то.

Эван Макмилан направился в прихожую и, спустя мгновение, вышел из квартиры, громко хлопнув входной дверью. Дэниел юркнул в гостиную и запрыгнул на диван. Мэри Макмилан подошла к креслу, за которым прятался сын.

– Дэниел? Ты тут? – Мэри заглянула за кресло.

«Нет, его там нет. Он за твоей спиной, лежит на диване и смотрит на вас, идиотов, – пренебрежение появилось на морде кота. – А за креслом сидит придурак Тайги в моем теле и

готов поспорить – от страха зубами стучит. К тому же не своими, а моими. Тупое, ни на что не годное животное».

Мэри отодвинула кресло в сторону.

– Давай, малыш, вставай, я отведу тебя в твою комнату, а затем позвоню мистеру Брауну, – взяв сына за руки, Мэри вывела его из-за кресла. Тот успокоился и теперь не казался Дэниелу таким придурком, как был немногим ранее, правда, время от времени пытался опуститься на четвереньки, да Мэри не позволила. А еще... Дэниел смерил Тайги неодобрительным взглядом.

«Если бы он не светил моим э-э-э... достоинством, ему многое можно было бы простить, даже то, что он меня хорошенько поцарапал пару раз. И не стыдно ему. Блин. Не свое добро же показывает», – сердитое шипение вырвалось из пасти кота.

– Успокойся, Тайги, – Мэри посмотрела на диван. – Ты же видишь, что не до тебя сейчас.

«Удивила, – фыркнул Дэниел. – Когда у вас вообще было до меня дело?» Мэри повела Тайги-человека в комнату сына. Дэниел же остался лежать на диване. Раздражение охватило его маленькое нутро. Хотел бы он вернуться в свое тело. Да только как это сделать? Когти самопроизвольно выскользнули из пазух и вонзились в диван. В памяти всплыли события последних дней. Универ, вдова Дженкинс, магазин и знакомство с девушкой из Глазго. Кошачьи когти вонзились глубже в диван.

«Знали бы о том, что произошло Патрик с Кэйлой. Вот посмеялись бы они. И эта, красавица с Глазго. Тоже смеялась бы. Все смеялись бы. Придурки. Наверное, это все же хорошо, что так все и произошло. Теперь я больше никогда не увижу ни этого идиота Патрика, ни эту шлюху Кэйлу. И учиться теперь не надо, и ходить куда не хочется тоже не надо, и делать. Никто теперь меня не заставит, никто не знает, что Дэниел стал котом. Теперь я буду сам по себе. Сам себе буду хозяином. А все остальные пусть горят синим пламенем. Буду одиноким, каким и всегда был. Так легче жить. Должно быть легче, – Дэниел почувствовал, как увлажнились глаза. Он попытался утереть глаза, да не получилось, лапа не рука, кистей нет. – Идиотская лапа. Совсем неудобная. Что теперь, с мокрыми глазами ходить? А если ветер? Так можно и глаза простудить. Лучше бы в обезьяну превратился. У нее хоть лапы на человеческие руки похожи».

Откуда-то донесся шум. Дэниел соскочил с дивана и побежал на звук. Оказавшись в коридоре, Дэниел успел заметить Тайги, побежавшего в спальню. Из комнаты сына показалась Мэри.

– Да что ж это за наказание-то такое? Теперь одеть его не могу.

«Ты б его еще запеленала, – фыркнул Дэниел. – Где ты видела кошку или кота в одежде? Теперь этот придурок будет голяком бегать и меня позорить, вернее, мое тело. Нет, это уже не мое тело. С сегодняшнего дня это тело придурка Тайги, а мое тело теперь вот это, – Дэниел выпрямил передние лапы и довольно выгнул спину. – В чем-то оно даже лучше предыдущего. Гибче и выносливее. А еще у меня должно быть девять жизней. Интересно, это правда про девять жизней или чушь собачья? Ну, если кошка вдовы Дженкинс себе шею не свернула, когда падала с балкона, то, может, и есть парочка жизней в запасе. Хорошо было бы».

Дэниел заглянул в спальню. То, что он увидел, заставило его расхохотаться. Правда, хохот у него получился не человеческий, а кошачий, череда фыркающих звуков, рвущихся будто наперегонки из пасти. Дэниел стоял и смотрел, как Тайги-человек пытается втиснуться в кошачью корзинку.

«Вот придурок! Человеческое тело хочет засунуть в кошачью корзинку. Ну, разве не придурок? Всегда это знал», – Дэниел упал на спину и принялся кататься по полу, пофыркивая.

– Мапочки, – Мэри приложила пальцы рук к губам. Взгляд ее метнулся от сына к коту, от кота к сыну. – Да вы что оба с ума посходили? За что же мне это? Дэни, – Мэри схватила сына за руку. – Как же ты не понимаешь, что это корзинка Тайги? Она же такая маленькая, а

ты такой большой. Ну почему ты не хочешь полежать на кровати в своей комнате? Что же это такое творится? – Мэри попыталась поднять сына на ноги, но тот мякнул и упал на корзинку. Корзинка затрещала, словно закричала от боли, и развалилась.

– Дэни, что же ты наделал? Где же теперь Тайги спать будет? – всплеснула руками Мэри.

Но ее мнимого сына это вряд ли озаботило. Он скрутился калачиком на обломках корзины и задремал.

Мэри хотела, было, его разбудить, но махнула рукой, развернулась и направилась к телефону. Сейчас у нее было только одно желание. Чтобы мистер Браун как можно быстрее приехал и вылечил ее сына.

Глава 6. Мистер Браун

Дэниел лежал на табурете в кухне и наблюдал за тем, как Тайги-человек, склонившись над кошачьей миской, выхватывал зубами кусочки мяса и проглатывал. Дэниел фыркнул и ударил лапой по крышке табуретки, затем снова и снова. Совсем недавно он обнаружил еще один способ выразить смех. К частому фырканию добавились удары лапой.

«Он такой смешной, – думал Дэниел. – Хотя идиоты все смешные. У него есть руки, а он хватается мясом зубами. Мозги совсем не соображают. Видели бы это отец с матерью. Точно, инфаркт получили бы».

Желанию Дэниела сбыться было не суждено, Мэри закрылась в гостиной и ждала приезда мистера Брауна, а Эван Макмилан еще не вернулся с прогулки.

Насытившись, Тайги-человек принялся лакать воду из соседней тарелки, затем посмотрел по сторонам, заметил деревянный брусок, прислоненный к стене, и двинулся к нему. Приблизился к бруску, выгнув спину и положил на брусок пальцы рук. Дэниел не сразу понял, что собрался делать Тайги. Но когда тот принялся двигать пальцами по бруску вниз-вверх, ему все стало понятно. Тайги точил когти!

«Ну и дубина! У тебя же когтей нет. Ногти только посдираешь», – Дэниела передернуло, когда он представил раны на пальцах от содранных ногтей.

Тайги понадобилось немного времени, чтобы понять, что он что-то не то делает. Острая боль пронзила его руки, и из-под парочки ногтей показалась кровь. Зашипев от боли, Тайги отскочил от бруска, словно от змеи. Взглянув на брусок, будто на заклятого врага, он лизнул поврежденные ногти и вышел из кухни, вернее, выполз, так как передвигался на коленях и ладонях. Дэниел проводил Тайги недоумевающим взглядом, затем поднял голову и устремил взгляд на стол. Нос задвигался, вдыхая запахи, несшиеся со стола.

«Зато у меня теперь нюх шикарный. Вот бекон учуял, – Дэниел повел носом. – Ага, точно – бекон».

Дэниел заскочил на стол, где лежали нарезанные, но так и не съеденные Эваном Макмиланом кусочки копченого бекона, выбрал на вид самый аппетитный и принялся за трапезу.

«Вкуснятина, – Дэниел вонзил зубы в мясо. – Это тебе не кошачий корм. Я б эту вкуснятину каждый день ел».

Кусочка бекона Дэниелу вполне хватило, чтобы насытить маленький кошачий желудок. Облизавшись, он спрыгнул со стола и направился прочь из кухни. Но, оказавшись в коридоре, остановился, так как заметил Тайги. Тот как раз выползал из туалета.

«Хорошо, что хоть к туалету он был приучен», – подумал Дэниел. Дождавшись, пока Тайги скроется в спальне, Дэниел забрался в туалет и мгновение спустя выскочил оттуда пулей.

«Ну и вонь! – Дэниел забежал в свою комнату и запрыгнул на кровать. В памяти всплыла куча кала в кошачьем судочке. – Тупой придурок! Унитаз для чего предназначен?! Теперь мне некуда в туалет сходить. Хотя...» – Дэниел соскочил с кровати, выбрался в коридор и двинулся к ванной. Спустя минуту он уже выходил из нее довольный тем, что нашел выход.

Клацнул ключ в замке, входная дверь открылась, и на пороге возник Эван Макмилан. Дэниел метнулся к себе в комнату, запрыгнул на кровать, прижался к ней телом и устремил взгляд в коридор. В коридоре слышался шум, затем он переместился на кухню, вернулся в коридор и начал приближаться к комнате Дэниеля. В дверном проеме возник Эван Макмилан, окинул комнату взглядом, принялся и шагнул в сторону раскрытой туалетной двери.

«Что сейчас будет», – пронеслось в голове Дэниеля.

Эван Макмилан скрылся с глаз. Дэниел спрыгнул с кровати и стал пробираться к выходу из комнаты. Не успел он пройти и метра, как тишину квартиры взорвал крик Эвана Макмилана.

– Твою мать! – орал Эван Макмилан. – Дебил! Обосрал весь туалет! Я его мордой в говно засуну!

Из гостиной выскочила Мэри Макмилан.

– Что случилось? – в глазах женщины поселились тревога и страх.

– Зайди в туалет и посмотри, что натворил этот идиот, – отозвался Эван Макмилан, остановившись у входа в спальню. – У него точно мозги не на своем месте. Но я знаю, как вставить ему их на место.

Мэри подбежала к туалету. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы увидеть, что произошло.

– Не трогай его. Я все уберу, – женщина забежала в туалет, и в тот же миг в квартире зазвучала соловьиная трель.

– Это мистер Браун, – донесся голос Мэри из туалета. – Эван открой, пожалуйста, ему дверь.

Эван Макмилан что-то буркнул под нос и направился в прихожую. Мэри Макмилан вышла из туалета и двинулась за ним. Дэниел услышал, как открылась входная дверь.

– Здравствуйте, Эван, Мэри, – Дэниел узнал голос мистера Брауна, их семейного врача.

Дэниел выбрался в коридор и выглянул из-за угла. Да, это был он, мистер Браун, среднего роста седовласый мужчина с волевым лицом, живыми глазами и задумчивым взглядом. В черном пальто, идеально выглаженных брюках, лакированных туфлях, шляпе-котелке и с кожаной сумкой-портфелем мистер Браун больше походил на вычурного и педантичного англичанина, чем на прагматичного и веселого шотландца. Дэниел вспомнил, что последний раз он видел мистера Брауна несколько месяцев назад, когда подхватил воспаление легких.

– Мистер Браун! – воскликнула Мэри. – Как хорошо, что вы пришли.

– Как только смог, как только смог, – мистер Браун повесил шляпу на крючок в стенке, снял пальто и разулся. – Что у вас произошло? По телефону, Мэри, вы показались мне очень взволнованной, настолько, что я мало что понял из того, что вы сказали. Прошу прощения.

– Это все Дэниел. С ним что-то не так, мистер Браун.

– Я помню, вы говорили что-то про кошек.

– Вам просто это надо увидеть, мистер Браун. Давайте я проведу вас к нему.

– Что ж, ведите, Мэри. Посмотрим, что не так с Дэниелем, – мистер Браун взял в руки портфель и проследовал за Мэри в спальню. Эван Макмилан остался на кухне. Дэниел же пробрался в спальню и спрятался под кроватью. Тайги лежал на остатках кошачьей корзинки и спал.

– Только не пугайтесь, мистер Браун, когда увидите Дэниела, – предупредила доктора Мэри, когда они вошли в спальню. – Но это совершенно не тот человек, который был прежде. Я начала даже сомневаться, человек ли он вообще.

– О, Мэри. За свою врачебную практику я многое повидал, поэтому не думаю, что ваш сын меня чем-то удивит. Где же он? Я не вижу его, – мистер Браун окинул взглядом спальню.

– Он за кроватью, – сказал Мэри.

– Ах, вот оно что. Что ж он там делает-то? Прячется от меня? – мистер Браун улыбнулся и прошел за кровать. Увидев Тайги-человека, он повернул голову к Мэри и спросил. – А почему он голый?

– Он не позволяет одеть себя, – вздохнула Мэри.

– Хм... Не позволяет одеть себя? – мистер Браун почесал кончик носа. – Расскажите мне подробнее обо всем, что случилось с вашим сыном. Начиная с того момента, когда вы заметили, что с ним что-то не так.

Пока Мэри рассказывала, мистер Браун неотрывно смотрел на спящего Тайги-человека, руки были сложены на груди, нижняя губа была поджата, а пальцы правой руки поглаживали

гладко выбритый подбородок. Закончив говорить, Мэри посмотрела на сына, затем перевела взгляд на доктора. Тот молчал и казалось что-то обдумывал.

– Очень интересно, – наконец пробормотал мистер Браун. – Но пока ничего конкретного не могу сказать. Для начала мне надо осмотреть мальчика. Вы не против, если я разбужу его?

– Нет, – Мэри мотнула головой.

– Хорошо, Мэри. Если вы не против, я хотел бы остаться с Дэниелем наедине.

– Хорошо, мистер Браун. Если я понадобится, буду на кухне, – Мэри Макмилан развернулась и вышла из спальни, прикрыв за собой дверь.

– Что ж, Дэниел, для начала попробуем тебя разбудить, – мистер Браун склонился над Тайги и потряс того за плечо.

Несколько секунд ничего не происходило, затем Тайги открыл глаза, зевнул, потянулся и встал на четвереньки. Взгляд его пробежался по комнате, на миг замер на мистере Брауне. Тайги опять зевнул, свернулся калачиком и собрался, было, вернуться к прерванному занятию, но мистер Браун поднял его за руку и усадил на кровать. Тайги посмотрел в глаза доктору и завалился на бок.

– Интересный случай, – пробормотал мистер Браун, раскрыл портфель и достал медицинский молоточек, после чего снова усадил Тайги и принялся водить молоточком перед его глазами. Казалось, это действие доктора заинтересовало Тайги. Взгляд его стал более цепким и живым. Но вскоре Тайги надоело наблюдать за молоточком, он завертел головой и начал мяукать. Дэниел выбрался из-под кровати и взобрался на стул. Усевшись на задние лапы, он принялся наблюдать за доктором. Мистер Браун проверил рефлексы, пощупал пульс и зачем-то заглянул в глаза Тайги.

– Рефлексы слегка заторможены, – сказал Мистер Браун, складывая инструменты назад в портфель. – Пульс учащен, зрачки расширены. Хм. Этот парень считает себя животным, котом, если быть точным. Шизофрения что ли? Диссоциативное расстройство идентичности? Но для такого заключения необходимо наличие хотя бы двух личностей, которые регулярным образом по очереди контролировали бы поведение мальчика. У него же человеческая личность исчезла напрочь. По сути, у него вообще нет никакой личности. Здесь что-то с восприятием. Без клинических исследований не обойтись.

Какое-то время мистер Браун наблюдал за Тайги, затем взял портфель и вышел из комнаты. Дэниел спрыгнул со стула и побежал следом. Кому-кому, а вот ему было очень любопытно, к чему пришел мистер Браун в результате своих нехитрых манипуляций с молоточком и другими медицинскими принадлежностями.

В прихожей мистер Браун оставил портфель, сам же снял с вешалки пальто и зашел на кухню. Дэниел скользнул следом и спрятался под стол.

– Мистер Браун, вы уже уходите? – Мэри оторвала взгляд от духовки, где пеклись пироги, и посмотрела на доктора.

– Да, Мэри. Мне надо идти. Договорился о встрече, – сказал мистер Браун, надевая пальто.

– Может, хотя бы чаю с пирогами попьете?

– Спасибо, Мэри, но как-нибудь в другой раз, – мистер Браун переместился в прихожую.

– Мистер Браун, вы можете мне сказать, что с Дэниелем?

– К сожалению, у меня нет однозначного ответа на ваш вопрос, Мэри. Дэниела стоит показать психиатрам. Были у меня подозрения на шизофрению, на диссоциативное расстройство идентичности, но утверждать что-либо не берусь. Нужны более глубокие исследования. Пока что эти выходные Дэниелу лучше побыть дома. Тишина, спокойствие, здоровый сон и еда – это лучшее из того, что необходимо сейчас вашему сыну. Кстати, хотел спросить. У Дэниела не было в последнее время никаких травм головы? – мистер Браун обулся и стряхнул штанины, словно от пыли.

– Нет, насколько мне известно, – покачала головой Мэри.

– А в детстве были травмы головы?

– Нет, – Мэри снова качнула головой.

– Хорошо. Значит физическую травму, как причину заболевания можно исключить. Хорошо, Мэри. Мне надо идти. На следующей неделе я свяжусь с вами. До свидания, – мистер Браун подхватил портфель и вышел из квартиры.

– До свидания, – отозвалась Мэри и медленно закрыла за ним дверь. Вернувшись на кухню, Мэри опустилась на табурет и смахнула рукой выступившую на глазах слезинку.

– Что ж такое произошло с Дэниелем, что даже доктора ничем помочь не могут? Как будто подменил кто.

Из зала вышел Эван Макмилан.

– Мистер Браун уже ушел? – спросил он, войдя на кухню.

– Только что.

– Что он сказал?

– Он не знает, что с нашим сыном, – Мэри уронила голову на колени и залилась горячими слезами.

– Так и сказал? – Эван Макмилан приподнял бровь.

– Сказал, нужны какие-то исследования дополнительные, – Мэри подняла голову и посмотрела на мужа.

– Ладно, только не плачь. Ты же знаешь, я этого не люблю.

– Знаю, но поделать с собой ничего не могу. Это мой ребенок, и как любая мать я хочу, чтобы мой ребенок был здоров. У меня сердце кровью обливается, но тебе этого не понять.

– Ну, конечно, – хмыкнул Эван Макмилан, направляясь прочь из кухни. – Я же тупой.

– Ты не тупой, – прошептала Мэри, роняя голову на колени. – У тебя просто нет сердца.

Едва отец покинул кухню, Дэниел выбрался из-под стола и побежал в свою комнату. Запрыгнув на кровать, он растянулся на боку и выгнул спину.

«Подозрения на шизофрению, – Дэниел вспомнил слова мистера Брауна и фыркнул. – А еще какое-то там расстройство личности. Сам ты шизофреник и растроенная личность. Сказал бы – бес вселился, так нет, сразу шизофреником называет... Да-а-а, не повезло Тайги. По врачам затааскают беднягу. Ну и черт с ним, главное, чтобы меня не трогали».

В комнату вошла Мэри. Бросив взгляд на кота, развалившегося на кровати сына, она подошла к балконной двери и открыла ее.

– Проветрю немного комнату, Тайги. Запах здесь нехороший, несвежий, – Мэри подошла к кровати и присела на край. Рука ее потянулась к коту и коснулась его мягкой шерсти.

– Горе у нас, Тайги, – сказала Мэри, глядя кота. – Что-то случилось с Дэниелем, и никто не знает, что с ним.

Капелька слезинки скатилась по щеке женщины и упала на грудь. Мэри хлопнула носом и вытерла глаза.

«Шизофрения у него. Личность у него того, растроилась», – Дэниел зафыркал. Ему стало весело, когда он снова вернулся воспоминаниями в недавнее прошлое.

Мэри от неожиданности отдернула руку и с удивлением посмотрела на кота. Дэниел воспользовался моментом, выскользнул из-под руки матери, спрыгнул с кровати и забрался под стол.

«Как мне надоели ваши сопли, а еще эта рука. Себя гладь, меня-то зачем?»

– Дэниел недовольно фыркнул и свернулся в калачик возле батареи.

Мэри проводила кота удивленным взглядом, затем поднялась и покинула комнату.

«Вот это здорово. Было бы хорошо, если бы вообще никто не заходил в эту комнату. Что вам здесь, сахаром посыпано?»

Ветер дернул за штору, колыхнул тюль и заиграл волосками на теле кота.

«Как-то скучно вот так целые дни проводить. Лежать и ничего не делать, нет, я так не могу. Я не кот, хоть и тело кошачье», – Дэниел выбрался из-под стола, вышел на середину комнаты и завертел головой, думая, чем бы себя занять. Внезапно взгляд его зацепился за штору, вновь потревоженную вездесущим ветром. Дэниел приблизился к балконной двери, скользнул в дверной проем и оказался на балконе, затем запрыгнул на коробку из-под компьютера, с нее перебрался на деревянный ящик, а с ящика – на подоконник. Дэниел осторожно выглянул наружу. Внизу виднелся пустой внутренний дворик, с трех сторон окруженный домами: двухэтажкой, в которой жил Дэниел, трехэтажкой напротив и четырехэтажкой справа. Слева, за проволочным забором, протянулась серая полоска автомобильной дороги. Чуть дальше виднелась громада холма Говен, а еще дальше убегали на север к Грампианским горам пустоши – вотчина шотландских ветров, серых туманов и пьяных дождей, глухих дебрей и диких холмов.

Дэниел приподнялся на передних лапах, вытянул тело стрелой и устремил взор по направлению к Грампианским горам. Нос его ожил, задвигался вместе с усами, будто пытаясь унюхать воздух далеких, укрытых небесным облачным одеялом гор. Налетевший порыв ветра заставил Дэниела вжаться в подоконник, вцепиться в него когтями всех четырех лап, чтобы не упасть с балкона. Проверять количество собственных жизней у Дэниела не было никакого желания.

Дэниел отодвинулся от края подоконника и вновь устремил взор на невидимые отсюда пустоши.

«Вот там тебя точно никто не достанет. Там и людей, раз-два и обчелся. Но далеко, да и холодно там. Здесь теплее», – Дэниел бросил последний взгляд на дорогу, бежавшую неподалеку, затем перевел его на темное, клубящееся тяжелыми облаками небо и соскочил с подоконника на пол.

Вернувшись в комнату, Дэниел почувствовал голод.

«Что-то это тело слишком быстро расходует энергию», – подумал он, направляясь к выходу из комнаты. Пробравшись на кухню, Дэниел направился напрямик к кошачьей тарелке. У тарелки он остановился, посмотрел на ее содержимое, затем запрокинул голову, пытаясь разглядеть что-нибудь повкуснее на столе. Не удовлетворившись увиденным, он запрыгнул на стул, стал передними лапами на стол и окинул его взглядом полным надежды. Увы, надеждам Дэниела сбыться было не суждено, чего-нибудь вкусенького на столе не было.

До слуха Дэниела донесся звук шагов. Пока он искал, куда спрятаться, на кухню вошел отец. Заметив кота на стуле возле стола, он стащил с ноги тапок и запустил его в кота. Дэниел взвизгнул, когда тапок врезался ему в бок, чуть не сбив со стула. Спрыгнув на пол, кот метнулся в коридор, но по дороге успел получить пинок под зад от Эвана Макмилана.

– Я тебе покажу, как лезть на стол, – пробурчал Эван Макмилан, надевая на ногу тапок. – Знай свое место, кот.

Дэниел влетел в свою комнату и спрятался под стол. Его кошачье сердце колотилось, глаза готовы были выскочить из орбит.

«Идиот. И это еще отец называется, – Дэниел закрыл глаза и попытался успокоиться. – Пинки, летящие в мою сторону тапки – вот мое будущее в этой квартире. Я здесь никому не нужен, так зачем мне здесь оставаться? Жизни здесь для меня все равно не будет. Или тапочком убьют, или умру от объятий матери, а то и чего доброго с ума сойду в четырех стенах с шизофреником Тайги. Нет, не могу я здесь оставаться. Лучше там, – Дэниел выбрался из-под стола и снова выскочил на балкон. Взобравшись на подоконник, он снова устремил взор в сторону невидимых отсюда Грампианских гор. – Там... там никто меня не будет пинать. И тапочки в меня кидать никто не будет, – Дэниел почувствовал соленую воду на губах. Скатываясь с глаз, она прокладывала тонкие дорожки на шерсти, увлажняла его кошачью мордочку и падала на деревянный подоконник. – Далеко? Ничего страшного... Не пойду так далеко... Вон туда пойду, – Дэниел сместил взгляд правее от холма Говен. – К Лох Ломонду. В лесу у

Лох Ломонда спрячусь и буду жить себе в тишине и спокойствии. И никто меня там не найдет, потому что никому я не нужен».

Раздался раскат грома. Небо пронзила молния, и на землю хлынула вода. Пронзительно задул ветер, засвистел, застонал и попытался сбросить кота с балкона. Но тот вцепился когтями в подоконник и все смотрел и смотрел в сторону Лох Ломонда. Ни завывания ветра, ни косые струи дождя, ни грохот небесных барабанов, ни вспышки небесных огней, – ничто, казалось, не способно было отвлечь Дэниела от далекого Лох Ломонда. Он еще долго так сидел, промокший, продрогший, но не отступивший. В конце концов, утомленный борьбой со стихией, он вернулся в комнату, забрался под стол и уснул.

Глава 7. Побег

Дэниел открыл глаза и потянулся. Выбравшись из-под стола, он прислушался. В квартире было тихо, если не брать во внимание посапывание Тайги. Тот лежал на кровати, поджав ноги, и спал. Дэниел обернулся. На улице было светло. Солнечные лучи играли на окнах, прыгали по шторе и спускались на пол. Ветерок колыхал штору, шелестел в листве берез, росших во внутреннем дворе.

Дэниел поднял лапу и накрыл ею солнечное озерцо, раскинувшееся прямо у его ног. Лучи заискрились на кошачьей лапе, шерсть вспыхнула, словно пламя костра, лизнувшее сухую ветку. Дэниел выбрался на балкон и вскочил на подоконник. Яркое утреннее солнце заставило его зажмуриться. Едва Дэниел оказался на подоконнике, неутомный ветерок оставил в покое листву деревьев и устремился к нему. Дэниел почувствовал, как шерсть ожила под легкими, неуловимыми касаниями ветерка.

Дэниел открыл глаза и окинул взглядом внутренний дворик. Откуда-то неслись голоса, где-то слышался смех, играла музыка. Парочка воробьев затеяли игру в догонялки. Прыгая друг за дружкой, они оглашали округу громким чириканьем. Прилетела горлица, уселась на березовую ветку и стала наблюдать за воробьями.

Дэниел устремил взгляд вверх, туда, где невесомое стадо белых упитанных барашков лениво двигалось по белесо-голубому небу. Дэниел вытянул шею и повел носом. Прохладный майский утренний воздух приятно охлаждал ноздри, забирался глубже и наполнял его маленькие кошачьи легкие. Странное чувство возникло в груди Дэниела. Легкое и светлое, как солнечный луч, оно с каждой секундой ширилось все больше и больше, и вот уже все кошачье тело Дэниела приятно трепещет, возбужденно вздрагивает, отзываясь на внутренние чувственные вибрации. Дэниелу казалось, что он никогда прежде не ощущал ничего подобного. В какой-то миг ему захотелось, чтобы это чувство никогда его не покидало. Оно было таким теплым, таким ласковым, таким влекущим и, как оказалось, таким мимолетным. Облако скрыло солнце, чириканье воробьев смолкло, горлица улетела, разговоры и смех поутихли. Приятное чувство начало покидать кошачье тельце, тая, как ночной туман тает на Стерлингской равнине под первыми лучами восходящего солнца. С неким сожалением Дэниел вспомнил последние минуты своей жизни. Тело его вытянулось, лапа скользнула вверх, выпуская когти, будто способные уцепиться за ускользящее чувство, схватить его, задержать. Но нет. Дэниел почувствовал разочарование, когда чувство покинуло его, оставив лишь легкое дразнящее послевкусие. Тихий вздох вырвался из кошачьей груди.

– Кьютит! Котик мой! – Дэниел вздрогнул, услышав голос справа от себя. – Что ты тут делаешь?

Дэниел повернул голову на звук.

«Ее только здесь не хватало», – Дэниел почувствовал раздражение при виде вдовы Дженкинс. Та сидела в кресле в своем ужасном на вид, по мнению Дэниела, черном, больше похожем на траурное, одеянии и пила чай с конфетами. Одна рука старухи была занята чашкой, вторая гладила спину кошки, лежавшей на ее худых, иссушенных временем коленях. Кошка, с белой пушистой шерстью и большими зелеными глазами, вытянулась на всю длину старушечьих коленей и искоса поглядывала в сторону неба, покой которого то и дело тревожила пролетающая птица.

Вдова Дженкинс отпила из чашки и поставила чашку на подоконник. Освободившаяся рука потянулась за одной из конфет, горкой лежавших на стеклянной тарелочке.

– Познакомься, Кьютит, – вдова Дженкинс опустила голову и посмотрела на кошку на коленях. – Это Куини. Куини, познакомься с Кьютитом. Он очень красивый котик. Ты не находишь? – старуха бросила конфету в рот, взяла обеими руками кошку и положила ее на

подоконник. Та недовольно мяукнула и уселась на задние лапы. Внезапно уши кошки навестились, взгляд упал на траву внутреннего дворика. Парочка воробьев после небольшой передышки возобновила игру. Воробьиные крики вновь наполнили окрестности и привлекли внимание кошки.

– Разве она не прекрасна, Кьюткит? – вдова Дженкинс провела рукой по спине любимицы. – Я думаю, вы были бы с ней неплохой парой. Как думаешь, Мэри согласится чтобы ты э-э-э... подарил моей Куини несколько миленьких кьюткитиков? – старуха хихикнула и погладила кошку по голове.

«Чтоб тебя! – тихое шипение вырвалось из груди Дэниела, когда он представил, как „дарит“ этой глупой кошке котят. – Озабоченная старая дура. Видеть тебя не могу. Сама дари своей кошке таких же, как и она, тупых котят».

Дэниел спрыгнул с подоконника и вернулся в комнату. Тайги все еще спал, что было впрочем-то и неудивительно, учитывая наличие в его голове кошачьих мозгов.

«Спит да ест, ест да гадит, гадит да спит, – Дэниел фыркнул. – Был никчемным животным, стал никчемным человеком».

Почувствовав жажду, Дэниел покинул комнату и двинулся на кухню. По дороге он заглянул в гостиную, отец все еще спал, впрочем, по воскресеньям он всегда долго спал. В отличие от матери, которая, судя по звукам, доносившимся из кухни, уже была там и готовила завтрак. Дэниел принюхался. Баранья похлебка! Его любимая! Дэниел мысленно облизнулся. С горохом, перловкой, капустой и много еще чем.

«Чертово кошачье тело», – на Дэниеля снова накатила волна ностальгии по прошлому, в котором ему ничто не мешало съесть пару наваристых тарелочек вкусной похлебки.

Дэниел вошел на кухню. Запах похлебки щекотал ноздри и будил аппетит.

– Привет, Тайги, – сказала Мэри, заметив кота. Грустная полуулыбка появилась на ее лице. Дэниел присмотрелся, глаза матери были потухшими. Под глазами появились темные круги. Веки казались слегка припухшими. Что-то кольнуло в груди Дэниела. Жалость к матери тихой, крадущейся поступью попыталась скользнуть в сознание, но тут же была выгнана. Дэниел ненавидел, когда его жалеют, ненавидел он жалеть и других.

– А я похлебку готовлю. Дэниел ее очень любит, – Мэри вздохнула и смахнула выступившую на глазу слезинку. Отвернувшись от кота, она принялась помешивать ложкой варево, то и дело всхлипывая.

«Толку от того, что люблю», – Дэниел приблизился к тарелке с водой и склонил над ней голову. Утолив жажду, он с сожалением посмотрел на плиту, откуда несся такой желанный аромат, затем посмотрел на тарелку с кошачьим кормом, стоявшую возле тарелки с водой.

«Ни один корм не сравнится с похлебкой, особенно такой, которую готовит... готовит ма... К черту сантименты», – Дэниел фыркнул, прогоняя грусть из сердца, после чего с ненавистью взглянул на кошачий корм и вышел из кухни. В коридоре он едва не столкнулся с отцом. Тот в одних трусах и майке шел на кухню.

Заметив отца, Дэниел замер. Но ступор прошел быстро, едва он вспомнил вчерашние отцовские пинки. Хвост плетью метнулся в сторону. Лапы прижались к полу. Тело сжалось и превратилось в пружину, готовую незамедлительно выстрелить и бросить тело вперед, прочь от опасности. Дэниел почувствовал, как крупная дрожь начала сотрясать его тело. Дыхание сорвалось. Дэниел не выдержал напряжения, зашипел, ошетирил шерсть на спине и рванул в свою комнату, едва не сбив с ног отца.

– Пришибленный кот! – понесся ему вслед крик отца. Через мгновение над головой Дэниеля просвистел тапочек, врезавшись в дверь ванной, он отлетел к спальне, на полу которой и замер подошвой кверху в оцепенении, боясь шевельнуться, дабы не привлечь к себе лишнего внимания и снова не отправиться в головокружительный полет по просторам хозяйской квартиры.

«Сам ты пришибленный, – подумал Дэниел, влетая в свою комнату. – Нормальные тапочками не бросаются, даже в животных».

Оказавшись в комнате, Дэниел запрыгнул на кровать и лег головой к двери, так, на всякий случай: люди странные существа, никогда не известно, что им может взбрести в голову в ту или иную минуту. Но нет, погони не было. Дэниел перевел дух и оглянулся, затем еще раз. Что-то ему показалось странным. В комнате явно что-то изменилось с того времени как он ушел на кухню.

«Ну, конечно же! – догадался Дэниел. – Тайги куда-то подевался. В спальню, наверное, перебрался? Ну и черт с ним. Моя кровать. Пусть к себе в корзинку лезет. Как раз его размер».

Дэниел зафыркал, затрясся и перекатился на другой бок. Успокоившись, он положил голову на передние лапы и закрыл глаза.

Тихое, даже робкое мяуканье, сродни тонкому пisku, коснулось ушей Дэниела. Не будь у него острого кошачьего слуха, он бы его ни за что не услышал. Дэниел поднял голову и прислушался, пытаясь понять, где находится источник звука. Мяуканье несло с балкона. Дэниел поднялся и посмотрел на балкон. Кроме неясного темного пятна, проглядывавшего сквозь штору, больше он ничего не увидел. Дэниелу стало любопытно. Он спрыгнул с кровати и побежал на балкон. Ушей снова настигло мяуканье. На это раз это было не то тихое мяуканье, которое он слышал ранее. Нет, это мяуканье издавал кто-то другой. Дэниел сразу понял это, когда услышал это громкое, недовольное горловое мяуканье. Любопытство начало сильнее терзать Дэниела.

Скользнув под шторой и тюлью, Дэниел выскочил на балкон и замер, пораженный увиденным. На узком подоконнике на коленях стоял Тайги и издавал едва слышимый писк. Верхняя часть тела его оказалась тесно прижата к подоконнику, зад был приподнят, пальцы рук царапали дерево подоконника. На лице застыло страдальческое выражение. Вид Тайги выражал покорность, смирение и даже некое заискивание перед тем, вернее той, которая завладела его вниманием. Это была белая красавица вдовы Дженкинс, кошка Куини. Куини сидела чуть дальше на подоконнике и наблюдала за воробьями, прыгавшими по веткам берез. Тайги она, казалось, совершенно не замечала, лишь изредка бросала в его сторону недовольный взгляд.

«Как ты только забрался туда, дубина, – подумал Дэниел, заметив Тайги на слишком тонкой для человеческого тела полоске подоконника. – Ты же свалишься, дурья твоя башка».

– Эй, ты чего туда забрался? – донесся снизу чей-то крик.

– Дэниел? Дэниел Макмилан? Ты что вытворяешь? Разбиться хочешь? – послышался еще один.

«Придурок, слезай оттуда! Ты чего меня позоришь?!» – заорал Дэниел внутри кошачьего тела.

Недовольный кошачий визг взорвал балкон, заставив вздрогнуть Тайги и отвлечь от воробьев Куини. Кошка отвернулась от улицы и посмотрела на возмутителя спокойствия. Заметив Дэниеля, она встала на все четыре лапы и зашипела, затем развернулась и скрылась на балконе вдовы Дженкинс.

Дэниел зашипел кошке вдогонку, выскочил с балкона и принялся бегать по квартире, оглашая ее воплями, чтобы привлечь внимание родителей. Только они могли забрать того идиота с балкона, иначе тот обязательно свалится во внутренний дворик, разобьется к чертовой матери, перед этим здорово опозорив Дэниела.

«Тайги сошел с ума! Он хочет прыгнуть с балкона! Уберите придурка с балкона!» – кричал Дэниел, бегая по квартире.

Кошачий визг метался из комнаты в комнату, бился о стеклянные плафоны на люстрах, падал на пол и с новыми силами устремлялся к потолку.

Из гостиной выбежал Эван Макмилан, на ходу стаскивая тапочек с ноги, за ним из кухни показалась перепуганная Мэри Макмилан.

– Какого ты разорался?! – завопил Эван Макмилан, замахиваясь тапочком.

– Тайги, что случилось, малыш?! – воскликнула Мэри Макмилан. Тапочек понесся по воздуху в сторону визжащего Дэниела. Но тот, наученный горьким опытом, не стал дожидаться, пока тапочек достигнет его, бросился бежать в свою комнату, ни на секунду не прекращая вопить. Эван стащил с ноги второй тапочек и побежал за котом. За ними устремились и Мэри.

Оказавшись в комнате, Дэниел понесся на балкон, надеясь, что кот в человеческом теле все еще там, а не лежит со сломанной шеей на зеленой траве внутреннего дворика.

Тапочек успел настичь Дэниела в тот самый момент, когда он готовился проскочить под шторой. Вонзившись стрелой в пушистый кошачий зад, он заставил Дэниела врезаться мордой в порог двери, ведущей на балкон. Дэниел охнул и растянулся на полу. Звезды засверкали перед его кошачьими глазами. Острая боль раскаленной иглой вонзилась в его сознание. Дэниел попытался подняться, но какая-то неведомая сила схватила его за шкурки и подняла в воздух.

До помутневшего сознания Дэниела донесся крик Мэри. Дэниел собрался, было, уже проститься с жизнью, когда неведомая сила вернула его на пол, вслед за этим раздался чертыхания Эвана Макмилана и стон Мэри Макмилан.

Зрение начало возвращаться к Дэниелу. Он поднял голову и увидел, как Эван Макмилан кинулся на балкон, схватил сына за шею и стащил с подоконника.

– Ты что надумал, мать твою?! – орал Эван Макмилан, вталкивая Тайги-человека в комнату. Тот что-то визжал, пытался отбиваться, но хорошая затрещина заставила его умолкнуть.

– Людей решил насмешить?! – Эван Макмилан толкнул Тайги-человека, и тот растянулся прямо у ног Мэри. – Еще раз такое увижу, пеняй на себя! – Эван Макмилан дал еще одну затрещину сыну, после чего хорошенько выругался и вышел из комнаты.

Мэри опустилась на колени и погладила сына по голове.

– Что ж ты надумал, Дэни? – Мэри всхлипнула, закусила губу и расплакалась. – Неужели хотел броситься с балкона? А обо мне ты подумал? Как же мне жить после этого?

Тайги вжался в пол у ног Мэри, ошалело вращал глазами и тихо попискивал. Мэри подняла его на ноги и помогла добраться до кровати. После вернулась к балкону и взяла на руки кота.

– Тайги, малыш, так вот почему ты так кричал? – Мэри провела рукой по спине кота. – Ты просто хотел сообщить нам о Дэни. Малыш, как же тебе больно должно быть, – Мэри вытерла слезы с глаз и погладила кота по голове. – Бедный Дени. Его ни на секунду нельзя оставить одного. Бедняга, он даже не понимает, что хотел совершить.

«Да ничего он не хотел совершить, – подумал Дэниел, приходя в себя. – Кастрировать надо было кота, тогда не было бы таких проблем», – Дэниел вздохнул. Рука матери снова коснулась спины, после чего оставила его в покое.

Мэри положила кота на кровать возле сына и вернулась к балкону, закрыть балконную дверь, после чего бросила взгляд на сына, смахнула с глаз слезу и вышла из комнаты.

Дэниел посмотрел на Тайги. Тот успокоился. Лежал тихо, только изредка тишину комнаты тревожило его сопение.

«Довольно с меня этого придурка. Устал я от боли и от летающих тапочек. При первой же возможности сбегу из дома, туда, где никто меня не найдет. Подальше от людей. Кроме как причинять боль и страдания другим, они больше ни на что не способны. Прочь, прочь отсюда, туда, где только вереск колыхнется, да ветер среди диких холмов стонет», – Дэниел соскочил с кровати и выбежал в коридор.

«Открыл бы кто входную дверь», – Дэниел приблизился к входной двери и остановился. Деревянная, покрытая тонким слоем лака, с двойным замком и защелкой. Нет, такую без помощи со стороны ни одному коту даже с человеческим разумом не открыть.

Дэниел постоял под дверью, будто ждал, что она сама распахнется и выпустит его на свободу. Но дверь была безучастна к кошачьим желаниям. Словно холм над путником возвышалась она над котом, поблескивая своим одним глазом-глазком.

Дэниелу ничего не оставалось, как нырнуть под кухонный стол, в полумраке которого и дожидаться подходящего для побега момента. Шанс представился довольно скоро. Мэри, хлопотавшая на кухне, вдруг решила вынести мусор. Взяв кулек с мусором, она открыла входную дверь и вышла за порог квартиры.

Дэниел почувствовал, как сильно забилося кошачье сердечко в груди. Он поднялся с пола и сделал несколько неуверенных шагов по направлению к входной двери. Дэниелу стало страшно. Всю свою жизнь он провел в этой квартире и теперь вот собрался покинуть ее. Навсегда. Навсегда?! Дэниел почувствовал, как его тельце задрожало. Здесь, в квартире, у него был кров, было тепло и не надо было думать о пропитании. А там, за порогом, его ждет неизвестность. Возможно еще большие страдания, чем здесь.

Едва Дэниел вспомнил о страданиях, о летающих по воздуху тапочках и недавнем столкновении с балконным порогом, страх начал тонуть как снег под лучами солнца. Дэниел приблизился к двери и выглянул наружу. Если он не сделает это сейчас, то не сделает никогда. Сейчас вернется мать, и дверь снова окажется такой же неприступной, как и прежде. Спуститься к мусорному баку и выкинуть пакет с мусором – много времени не надо.

«Или сейчас, или никогда. Или пинки и тапочки в квартире, или свобода и уединение среди пустошей».

Дэниел прислушался. Внизу скрипнула дверь, ведущая в подъезд. Никак мать возвращается.

«Или сейчас, или никогда. Сейчас!» – Дэниел протиснулся в проем и метнулся к деревянному ящику, примостившемуся у соседской двери.

Спрятавшись за ящиком, Дэниел прижался брюхом к холодной плите пола. В голове стучали молоточки, тело подрагивало от напряжения, хвост дернулся в сторону, словно желая выдать местонахождение кота, но тут же, следуя мысленному усилию, вернулся за ящик и обвился вокруг кошачьего тела.

На первом этаже послышались шаги. Кто-то прошагал по площадке и начал подниматься по ступенькам. Звук шагов послышался в пролете между первым и вторым этажами. Сомнений в том, кому принадлежали шаги, больше не оставалось. Мэри Макмилан возвращалась с улицы. Звук шагов раздался совсем рядом. Дэниел выглянул одним глазом из-за ящика. На ступеньках, ведущих на второй этаж, показалась худощавая фигура матери. Дэниел вернул голову за ящик и замер, малейшим шорохом боясь выдать свое местопребывание. Скрипнула входная дверь. Раздался щелчок, и Дэниел остался на площадке один. Тишина водопадом обрушилась на Дэниела. Дэниелу казалось, что он никогда прежде не ощущал такую мрачную, давящую на сознание тишину. В какой-то миг ему захотелось вернуться в квартиру, но он подавил панику усилием воли, выбрался из-за ящика и начал спускаться вниз по ступенькам.

Оказавшись на первом этаже, Дэниел не спеша приблизился к выходу из дома. Выглянув наружу, Дэниел зажмурился, так как яркие солнечные лучи пробежались по его телу, резанули по глазам и продолжили движение дальше.

Дэниел открыл глаза. В нескольких метрах от него виднелся небольшой участок асфальтированной дорожки, а за ним раскинулся внутренний дворик. С левой стороны виднелся сеточный заборчик, где-то за ним должна была проходить дорога.

Парочка старушек сидела на лавочке, одной из нескольких подпиравших массивную кирпичную стену трехэтажного дома напротив. Старушки о чем-то живо беседовали, то и дело поглядывая на второй этаж противоположного дома. Их взгляды были настолько целенаправленны, что Дэниел даже не сомневался, что является объектом их наблюдения.

«Теперь о ненормальном Дэниеле Макмилане весь город будет знать, и все благодаря пришибленному коту в человеческом теле, у которого инстинкты взыграли при виде кошки, – Дэниел фыркнул. – Ну, ничего. Это уже не моя забота».

Дэниел выбрался из подъезда и потрусил в сторону сеточного заборчика. Где-то там должен был находиться проход и каменная лестница, выводящая на дорогу. Спустя мгновение Дэниел уже прыгал вверх по ступенькам, и вскоре перед ним раскинулась узкая полоса асфальтированной дороги. Большею частью дорога была пустынной, лишь изредка то одна, то другая машина тревожила ее своим присутствием. Дэниел посмотрел по сторонам. Редкие прохожие не обращали на него внимания. Это было и к лучшему. Повернув направо, Дэниел потрусил в сторону холма Говен.

Едва скрипнула входная дверь, Тайги поднял голову, принялся и слез с кровати. Плюхнувшись на руки, он пополз в коридор. На пороге комнаты он остановился и выглянул из-за угла. У входной двери сидел комок шерсти, один из его соплеменников, и смотрел на входную дверь. Выждав какое-то время, комок шерсти поднялся на ноги и выскользнул из квартиры.

Тайги проводил его безразличным взглядом, развернулся и пополз назад к кровати. Хотелось спать.

Глава 8. Догхантеры

Дэниел неспешно семенил по Крофтхед-роуд. Впереди посреди равнины возвышался Стерлингский замок. Дэниел не собирался заходить на территорию замка. Ему там делать было нечего. Толпы туристов, видимые даже с этого расстояния у входа в замок, вызывали одно лишь неприятие. Дэниел всегда старался избегать людных мест, сейчас же, после того что с ним произошло, и подавно. Любого человека Дэниел начал воспринимать как врага, поэтому заведя издали фигуру человека, он сворачивал в сторону в поисках обходного пути. Дэниел чувствовал странное отторжение ко всему человеческому роду. Такое отторжение могло бы испытывать дикое животное. Дэниел не был диким животным, да и вообще животным он не был, по крайней мере, ему так казалось. Несмотря на то, что его нынешнее тело было телом самого что ни на есть настоящего животного, в частности, кота, разум его был человеческим. Именно это обстоятельство заставляло Дэниела считать себя больше человеком, чем животным. Только вот была одна проблема: в глазах других людей он был самым настоящим животным, если быть точнее, то котом породы скоттиш-фолд с редким тигровым окрасом. Поэтому встречаться с людьми Дэниелу совершенно не хотелось. В его памяти ярким метеором горели воспоминания о недавнем прошлом, в котором он испытал от человека больше боли, чем радости. Человек был слишком жестоким существом, чтобы желать с ним встречи. Избегать любой встречи с человеком – вот какой была главная задача у Дэниела. Дэниел знал, там, где человек – там страдания и боль, где нет человека – счастье и свобода. Сейчас Дэниел хотел лишь одного – добраться до Лох Ломмонда и там затеряться среди гор и лесов. К сожалению, Лох Ломмонд не был совершенно безлюдным местом, хватало там и туристов, и местных, но его территория была огромной, поэтому Дэниел нисколько не сомневался, что ему удастся найти там для себя подходящее убежище. В любом случае, этот вариант нравился Дэниелу больше, чем дикие пустоши Хайленда. Там людей было мало, но вот расстояние, которое стоило преодолеть, было слишком большим для небольшого коротколапого животного.

Дэниел свернул с дороги и побежал через поляну к видневшемуся неподалеку кладбищу Балленджей. Кошачьи лапы мягко и бесшумно касались земли, укрытой зеленым травяным ковром. С семенящего шага Дэниел перешел на бег прыжками, затем снова сбавил темп. В какой-то миг он почувствовал, как его охватывает волна невероятного удовольствия от осознания совершенства его нового тела.

«Черт! Да оно действительно лучше, чем предыдущее! – подумал Дэниел, ощущая гибкость, легкость и грацию кошачьего тела. – А если бы я мог разговаривать, было бы вообще замечательно. Хотя зачем мне это умение? С кем я собрался разговаривать? С собой? Ну, для этого речь мне совершенно не нужна».

Дэниел обогнул стороной кладбище Балленджей и устремился дальше к Балленджей-роуд. Теплые лучи солнца нежно касались кошачьего тельца, заботливо одаривая его теплом и пробуждая чувство непонятной радости в груди. Дэниел почувствовал, что улыбается. Внутренне. Внешне его кошачья улыбка больше походила на оскал. Так мог бы скалиться тигр при виде жертвы.

Добежав до Балленджей-роуд, Дэниел остановился. Слева к небу возносился каменный утес со Стерлингским замком наверху. Утес казался Дэниелу гигантским кораблем, бороздящим просторы Стерлингской равнины. Для того, чтобы увидеть Стерлингский замок, Дэниелу пришлось здорово запрокинуть голову. Глядя на утес и на замок его венчающий, Дэниел чувствовал, как в груди рождается нечто сродни благоговению. Сердце затрепетало, по телу пробежала мелкая дрожь. Дэниел даже не заметил, как рот его приоткрылся, и округу наполнило тихое восхищенное мяуканье. Дэниел за свою жизнь видел Стерлингский замок не одну

тысячу раз, но сколько помнил, не испытывал ничего даже близко похожего на то чувство, что ожило в его груди в эти минуты.

Неизвестно, сколько Дэниел еще простоял бы, созерцая красоту Стерлингского замка, если бы не собачий лай, раздавшийся совсем рядом. Сначала Дэниел не придавал ему большого значения. Но по мере приближения собачьего лая, у Дэниела в груди все больше и больше росло беспокойство. Чувствуя раздражение, Дэниел отвернулся от Стерлингского замка и посмотрел в сторону лающих собак. Лай доносился со стороны Бэк О'Хилл-роуд, невидимой из-за небольшого подлеска, раскинувшегося по обе стороны от Балленджех-роуд. Дэниел поднялся на задние лапы, чтобы дальше видеть. Тревога ворвалась в его сознание, требуя к себе пристального внимания. Дэниел окинул взглядом округу, не понимая причины тревоги. Собак он не боялся, даже бездомных. Не раз бросал в них камни. Дэниел осмотрелся в поисках камней. Так, на всякий случай. Собаки разные бывают: и бешеные, и не очень.

Из-за деревьев выбежала стая собак и побежала в сторону кладбища Балленджех. Дэниел поднялся на задние лапы и замер сусликом. Ближайшая к Дэниелу собака повернула голову, заметила его и залаяла. В тот же миг все собачьи головы обернулись к Дэниелу. Глаза собак зарыскали вдоль Балленджех-роуд. Заметив кота, собаки издали многоголосый лай и понеслись к нему. Дэниел опустил на передние лапы и оглянулся в поисках камней. Камней было предостаточно.

«Безмозглые собаки, – Дэниел ухмыльнулся и направился к ближайшему булыжнику. – Похоже кое-кого надо проучить».

Дэниел потянулся за камнем и вздрогнул, когда вместо привычной руки увидел кошачью лапу. – «Черт! Я же кот! Опять забыл. Когда-то такая забывчивость может мне дорого обойтись или даже стоить жизни. Чертов человеческий разум. Как я могу думать о себе как о животном, если разум у меня чело?.. – Дэниел замер и посмотрел в сторону приближающихся собак. – Я – кот. Они – собаки. Собаки и коты ненавидят друг друга, а если так, то... Деру!!! – кто-то завопил внутри Дэниела. – Паскудство! Они же разорвут меня на части!»

Дэниел прыжками понесся вдоль дороги. Сзади неся собачий лай. Холод ворвался в сознание Дэниела, когда он понял, что лай не отдаляется, а, наоборот, приближается.

«Точно разорвут! Дурацкие кошачьи лапы!» – в эти секунды безумной гонки кошачье тело с короткими лапами уже не казалось Дэниелу великолепным. Строение тела собак, как и длина их ног, было намного лучше приспособлено к бегу, чем кошачье, особенно на большой дистанции. Дэниел чувствовал, как выдыхается. Дыхание сбилось. Мышцы на ногах заныли, жалуясь на выпавшую им горькую участь. С сожалением Дэниел понял, что изнеженное, не знавшее улицы тело Тайги если и способно бегать, то только на кухню к миске с кормом или в туалет к судку.

«Нет, нет. Я не хочу умирать. Не хочу!!!» – Дэниел почувствовал, как холод когтистой лапой ухватил за сердце.

Слева показались дома. Между ними Дэниел заметил проход, свернул туда и выбежал на поле. Слева возносился Замковый холм со Стерлингским замком на вершине, справа, в отдалении, виднелась Раллок-роуд.

Дэниел понесся вперед, с ужасом осознавая трагичность ситуации, в которую попал. Лай слышался совсем рядом. Похоронным маршем звучал он в ушах Дэниела, заставляя трепетать сердце от страха. Ох, как неприятно было ощущать себя жертвой. Ужасно неприятно! Дэниел боялся обернуться. Ему казалось, что зубы собак вот-вот вонзятся ему в спину. Он уже чувствовал боль, которая должна была взорвать его сознание с секунды на секунду. Его шерсть щетинилась от одной мысли, что совсем скоро тигровый окрас станет темно-красным от крови, бегущей из страшных ран, нанесенных собачьими клыками. Дэниел чувствовал, что это произойдет и совсем скоро. Лапы готовы были в любую секунду отказать. Сердце безумно коло-

тилось, грозя разорваться и забрызгать кровью всю округу. Воздуха не хватало. Легкие жгло огнем.

«Я не могу... – мысли в голове Дэниела носились как безумные. – Больше не могу... Мне больно... Лапы... лапы отваливаются. Я их уже совсем... не чувствую. Умереть... Лучше умереть, чем терпеть эту боль... Горлом кверху... Упасть... Тогда будет не больно... Наверное... Клыки вонзятся в горло и все... Тогда будет все...»

Дэниел готов уже был грохнуться на мягкую траву и застыть в ожидании быстрой смерти. И все же что-то в груди удерживало его от этого шага. Лапы, как и прежде, возносили тело вверх, бросали вперед, стараясь унести прочь от опасности. Жажда жизни все никак не желала покидать это маленькое кошачье тельце.

«Чертов инстинкт самосохранения, – Дэниел почувствовал, как страх начал уступать место злости. – Сдохнуть и все! Конец мучениям. Зачем ты только нужен? Тупой инстинкт! Тупой пережиток прошлого! Не даст умереть!»

По правую сторону от Дэниеля панорама поля слилась в одну сплошную линию, по левую мелькали деревья Замкового холма. Едва взгляд Дэниела зацепился за деревья, в тот же миг в его груди затеплилась надежда.

«Как только мне это раньше в голову не пришло! – сознание Дэниела заполнил поток мыслей. – Я же кот, а где коты прячутся от собак? На деревьях!»

Словно второе дыхание открылось в груди Дэниеля. Лапы наполнились новыми силами, боль в груди поутихла, надежда окрепла. Дэниел рванул к ближайшему дереву, высокому ильму. Дэниел не думал о том, как он взберется по его вертикальному, без единого сучка стволу. Главное было до него добраться, а там видно будет. Если разум у него человеческий, то тело – кошачье, с цепкими острыми когтями на пальцах. Нижние ветви дерева находились метрах в двух от земли, не так уж и много для кота, правда, для кота полного сил, а не для едва ли не издыхающего от перенапряжения всех членов.

Добежав до подножия Замкового холма, Дэниел начал прыжками взбираться вверх по склону. Пять метров до вожаемого дерева... четыре... два... Дэниел рванул к дереву. Тело взмыло вверх, когти выскользнули из пазух и вонзились в ствол дерева. Где-то за спиной раздалось клачанье зубов. Но Дэниел ничего не замечал. Все его внимание сосредоточилось на том, чтобы удержаться на стволе, и не просто удержаться, а взобраться по нему наверх, к нижней ветви, обещающей безопасность и отдых в тени раскидистой кроны дерева.

Дэниел напряг мышцы на задних лапах, прижался к стволу и выбросил тело вперед, затем снова и снова. Мышцы ныли от перенапряжения. Рот пересох. Было невероятно жарко. И, тем не менее, Дэниел снова и снова бросал тело вверх, карабкаясь по стволу, подальше от воя, несшегося снизу, поближе к безопасности. Наконец-то, обессиленный, но довольный Дэниел втащил тело на нижнюю ветку дерева, обхватил ветку лапами и свесил голову вниз. Улыбка тронула его губы. Стая собак бесновалась внизу, жадно пожирая кота глазами. Дэниел насчитал семь собак в стае. К своему удивлению среди них он узнал немецкую овчарку и колли. А он-то думал, что за ним гнались дворняги.

«На кой черт заводить собаку, чтобы ее потом выгнать на улицу? – подумал Дэниел, наблюдая за собаками. – Глупые люди».

Лай под деревом стоял невероятный. Дэниел хотел, было, подняться на ноги и прогуляться по ветке, дабы подразнить собак, но сил подняться уже не было. Дэниел закрыл глаза. Легкий ветерок шелестел листвой, шевелил шерсть на спине, приятно лаская измученное тело.

«Какое блаженство, – Дэниел открыл глаза. – Как хорошо, что я не сдался. А ведь мог. Глупый. Тогда бы я не почувствовал такого удовлетворения как сейчас. Никогда не думал, что боль и страдания могут привести к такому невероятному удовлетворению. Как приятно. Чертовски приятно. Будто заново родился».

Дэниел оторвал взгляд от собак и устремил его вперед, туда, где возвышался холм, покрытый островками вереска. На этом холме находился Стерлингский гольф-клуб. Но гольф-клуб Дэниела совершенно не интересовал, да и не любил он никогда гольф. Просто возле холма Раллок-роуд вливалась, словно приток в реку, в Дамбартон-роуд, та уходила вдаль, прочь от Стерлинга, к Лох Ломонду.

Тишина под деревом заставила Дэниела опустить глаза вниз. Собаки перестали лаять. Взгляд их скользил по полю и упирался в машину, ехавшую по Раллок-роуд. Проехав с десятков метров, машина свернула на поле и потащилась к Замковому холму, прямо к тому месту, где собаки сторожили кота. Собаки почувствовали неладное. Кто-то залаял, кто-то заскулил, кто-то отбежал от холма с видимым намерением смыться отсюда как можно быстрее. Только то, что основная часть стаи все еще была возле дерева и напряженно вглядывалась вдаль, не позволяло остальным спастись бегством от странного ворчащего металлического чудовища.

Машина остановилась метрах в пятидесяти от Замкового холма. Теперь Дэниел мог рассмотреть ее. Фургон, выкрашенный в желто-зеленые цвета. Сбоку виднелась надпись. Что именно было написано на фургоне Дэниел разобрать не смог. Наблюдая за машиной, Дэниел вспомнил, что раз или два уже видел такие фургоны. Правда, что это были за фургоны, он не знал.

Мгновение спустя из машины вышли двое мужчин в желтых комбинезонах. Они о чем-то разговаривали, то и дело бросая взгляды в сторону собак. Затем один из них направился к задним дверцам фургона. Когда вернулся, в руках у него Дэниел заметил два каких-то длинных предмета, очень похожих на ружья.

Дэниел посмотрел на собак. Те, казалось, расслабились. Многие из них улеглись в тени дерева и высунули языки. Частое дыхание собак было таким громким, что даже Дэниел, лежавшей на ветке в нескольких метрах от них, слышал его. Но некоторые из собак – здоровенная немецкая овчарка и одна небольшая дворняга, наострив уши, продолжали рассматривать пришельцев.

Внезапно овчарка взвизгнула, завертелась волчком, зубы заклацали, пытаясь ухватить что-то торчавшее в боку. Не прошло и полминуты, как ноги овчарки подкосились и она, скуля, повалилась на землю. Глаза собаки закрылись, тело замерло. За овчаркой завизжала дворняга, за ней еще одна и еще.

Дэниел пробежался взглядом по полю до машины.

«Догхантеры! – догадался Дэниел. – Ловцы бездомных собак». Еще одна собака взвизгнула, прежде чем другие сообразили, что с парочкой двуногих что-то не так и пустились наутек. Но убежать удалось только одной собаке, маленькой рыжей дворняге с коротким хвостом и безволосым тельцем. Другие же собаки остались лежать там, где их настигла пуля догхантера.

«Вот вам! – обрадовался Дэниел. – Будете знать, как охотиться за кошками! Теперь будете охотиться за кошками на небесах».

Дэниел поднялся на ноги. Откуда ни возьмись появились силы. Возможно, стоило сказать «спасибо» отдыху, который наполнил кошачье тело новыми силами. Дэниел посмотрел на тела собак взглядом полным презрения и собственного превосходства.

«Жалко, что не я лично пристрелил вас. С каким бы я удовольствием это сделал».

Шум двигателя привлек внимание Дэниела. Машина догхантеров тронулась с места и поползла к собакам, устлавшим телами подножие Замкового холма. Дэниел уселся на задние лапы и принялся наблюдать за машиной. Та остановилась возле тела немецкой овчарки. Из машины показались два догхантера.

– Смотри, какой здоровый, – кивнул на тело собаки один из догхантеров, молодой, не больше тридцати лет, шарокоплечий, невысокий, с круглым лицом и золотистыми волосами.

– Да, хор-рош, – согласился второй догхантер, внешним видом походивший на флешера, краснолицый, темноволосый, с руками-граблями. – На таком и заработать можно хор-рошо. Продать кому.

– Ну да. Пастухам из Хайленда.

– Вот-вот. И я про это.

– Надо подумать над этим. Но потом, – светловолосый распахнул задние дверцы фургона и достал из машины металлическую клетку, бросил на землю, открыл, наклонился и ухватил овчарку за передние лапы. – Помоги-ка мне этого кобеля в клетку забросить.

Темноволосый схватил собаку за задние лапы и вдвоем с напарником запихнул ее в клетку. Остальных собак постигла та же участь, не прошло и десяти минут, как все собаки были помещены в клетки, которые затем сложили в фургон. Покончив с собаками, догхантеры облокотились о капот машины и закурили.

– Шон, – темноволосый повернулся к светловолосому. – Будем ехать в приют, завернем ко мне домой.

– Эт зачем, Рон? – светловолосый харкнул и сплюнул слюну на землю, затем засунул сигарету в рот и принялся попыхивать.

– Я все думаю про дойча, – темноволосый кивнул куда-то назад, после чего принялся чесать моливший о бритье подбородок. – Такую собаку жалко усыплять. Да и шелти хорош. За них можно хорошо выручить. Предлагаю оставить их у меня дома, остальных отвезем в приют. Сам знаешь, стоит только привезти пса в приют, его сразу регистрируют, а после этого попробуй продать. С работы могут погнать. А я рисковать работой не хочу. Сам знаешь, кризис хренов по миру гуляет. Продадим кобелей, деньги поделим. И все будут довольны. И мы, и собаки, – темноволосый осклабился и подмигнул товарищу.

– Да я и не против совсем, – отозвался Шон. – В наше время деньги лишними не бывают. Правду говоришь, кризис по миру гуляет, деньжат искать заставляет, – Шон рассмеялся.

– Складно-то как говоришь, – ухмыльнулся Рон. – Прямо как Бернс.

– А то, – хмыкнул Шон. – А ты и вправду думаешь, что этих собак, как и всех предыдущих, тоже решат усыпить?

– А хрен их знает. Слышал, усыпление зверушек скоро уже не в моде будет.

– Думаешь, все эти разговоры про стерилизацию больше, чем слухи?

– Думаю, да. В современном мире и у животных права появились. Гуманность требует человеческого к ним отношения. Вот и будут зверушек стерилизовать, а затем на волю отпустить. Живите, родимые, только вот о потомстве забудьте.

– Не сказал бы, что это более гуманно, – Шон сплюнул и отбросил окурочек в сторону.

– Кто его знает, что гуманно в нашем мире, а что нет, – Рон пожал плечами.

– Не наше это дело, о гуманности говорить. Нам надо работу выполнять. За нее-то нам деньги и платят. Пора ехать. Прыгай в кабину.

– Тут ты прав. Гуманность – не наша забота, – Шон развернулся и двинул к дверце кабины.

Рон докурил сигарету, скомкал окурочек и бросил под ноги. Наступив на окурочек, он вдавил его в землю и собрался последовать примеру напарника, когда замер, услышав шипение.

Дэниел слушал разговор догхантеров. С каждым новым словом, сказанным кем-то из догхантеров, настроение его портилось. Собаки оказывается живы, а он-то думал, что они понесли заслуженное наказание и теперь будут кормить червей. Недовольное шипение вырвалось из груди Дэниела. Вот именно это шипение и услышал один из догхантеров, Рон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.